

ЛАНА РОКОШЕВСКАЯ

Последняя де Валькур

Лана Рокошевская

Последняя де Валькур

«Автор»

2026

Рокошевская Л.

Последняя де Валькур / Л. Рокошевская — «Автор», 2026

Когда маркиза де Валькура обвиняют в измене, его дочь Элоиза бежит с тетрадью, способной разрушить половину двора. За ней охотится королевский банкир Леруа и «серые» агенты Версаля. Единственный шанс - загадочный граф де Сен-Жермен. Париж становится шахматной доской, где ставка - честь, жизнь и сам трон.

© Рокошевская Л., 2026

© Автор, 2026

Лана Рокошевская

Последняя де Валькур

Пролог

Ветер, рожденный где-то над свинцовыми водами Ла-Манша, неся через Нормандию, гнул вековые дубы в поместье де Валькур и яростно бил в свинцовые переплеты высоких окон. Он выл в трубах, словно оплакивая то, что должно было случиться на рассвете. В кабинете маркиза Армана де Валькура пахло воском, старым пергаментом и страхом. Последним – особенно сильно.

Маркиз стоял спиной к двери, глядя, как первые бледные полосы зари рвут пелену ночи над парком. Его фигура, когда-то столь прямая и воинственная, теперь казалась сломанной под невидимым грузом. На столе, заваленном бумагами, рядом с недопитым бокалом бордо лежал пергамент с крупной сургучной печатью. Королевская печать. Приказ об аресте по обвинению в государственной измене и хищении казенных средств.

– Папа?

Он вздрогнул и обернулся. В дверях, закутанная в простой шерстяной плащ поверх ночной рубашки, стояла Элоиза. Её волосы, цвета спелого каштана, спутанные ветром, что пробивался в щели, падали на плечи. В семнадцать лет она была точной копией покойной матери – те же огромные серые глаза, слишком серьезные для её возраста, тот же четкий овал лица и упрямый изгиб тонких губ. Но сейчас в этих глазах читался не детский испуг, а холодная, зрелая ясность.

– Тебе не следовало вставать, – голос Армана де Валькура звучал устало.

– Слуги шепчутся. Говорят, на рассвете приедут люди короля. Это правда?

Он молча кивнул, отводя взгляд. Стыд жёг его изнутри сильнее любого обвинения.

– Я ничего не украл, Элоиза. Я... пытался предотвратить большее зло. Но играл в игру, правил которой не знал. И проиграл.

Он подошел к потайной нише в резном дубовом стеллаже, доверху забитом фолиантами. Ловким движением руки отодвинул пачку трактатов по алхимии и извлёк небольшой, потрепанный кожаный дневник.

– Возьми это. И запомни: это важнее, чем титул, чем земли, чем моя жизнь. Здесь... цифры, имена, даты. Тень того, что происходит. Они за этим и придут.

Элоиза взяла холодный переплёт. Руки не дрожали.

– Кто «они», папа?

– Люди, которые стоят за банкиром Леруа. Люди, для которых королевская казна – лишь кошелек для их амбиций, а честь – пустой звук. Они опутали двор, как плющ. И если эта тетрадь попадёт к ним... – он замолчал, сжав кулаки. – Её должен увидеть только один человек. Граф де Сен-Жермен. Он в Париже. Он поймёт.

– Граф де Сен-Жермен? Но о нём говорят, что он шарлатан, алхимик...

– Говорят многое. Он – единственный, кто не боится. Найди его. Но будь осторожнее, чем в зарослях с волками.

Снаружи донёсся отдалённый, но чёткий звук – лошадиный топот по мокрому гравию подъездной аллеи. Их взгляды встретились. Время кончилось.

– Через потайной ход в зимнем саду. В конюшне оседлан Персефона. Поезжай к тётке в Руан. Там тебя не сразу найдут.

– Я не оставляю тебя!

– Ты должна! – в его голосе впервые прорвалась отчаянная сила. Он схватил её за плечи.

– Ты – последняя де Валькур. Твоя жизнь – не твоя собственность. Она – долг. Долг перед правдой. Теперь беги. БЕГИ!

Он почти вытолкнул её в коридор. Элоиза, прижимая дневник к груди, бросилась вглубь дома, в сторону оранжереи. За спиной она услышала тяжёлые шаги в прихожей, грубые голоса и сдавленный, но твёрдый голос отца, отвечавшего им. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Холодный, влажный воздух зимнего сада обжёг лёгкие. Она отодвинула статую Дианы, открыв узкую, пахнущую плесенью и землёй щель в стене.

Оглянувшись в последний раз, она увидела, как в дальнем конце галереи, освещённые факелами, мелькнули силуэты в чёрном, а между ними – бледное, гордое лицо отца. Их взгляды встретились на мгновение – прощальном, полном невысказанной боли и приказа жить. Потом она нырнула в темноту.

Подземный ход вывел её к опушке леса. Ветер рвал плащ, мокрый снег с дождём бил в лицо. Верная гнедая кобыла Персефона нервно перебирала ногами у старого охотничьего домика. Элоиза вскочила в седло, сунула дневник за пазуху, под грубую ткань рубахи, где он жёг кожу, как раскалённый уголь.

Она дала шпоры, и лошадь рванула вперёд, унося её от дома, от детства, от всего, что она знала. Когда она выехала на холм и обернулась, поместье де Валькур было похоже на похоронную урну, тонущую в предрассветном мраке. На востоке, кроваво-красная полоса зари разрывала небо. Она не видела, как в тот самый момент в кабинет её отца вошёл человек в безупречном чёрном камзоле, с лицом бесстрастным, как у бухгалтера. Это был не солдат и не судебный пристав. Это был Жак Леруа, королевский банкир. Его тонкие губы тронула едва заметная улыбка.

– Маркиз, – произнёс он тихо, почти ласково. – Надеюсь, вы не сделали ничего опрометчивого. Например, не доверили кому-то... бумаги, которые могут быть неверно истолкованы.

Арман де Валькур молчал, глядя в глаза человеку, который его погубил. Он думал о дочери, мчавшейся в холодную неизвестность, и в его сердце, рядом со страхом, теплилась искра надежды. И ненависти.

А в это время в Версале, в одной из бесчисленных анфилад, залитых светом тысяч свечей, шёл бал. Музыка, смех, шелест шёлков – всё сливалось в оглушительный, сладкий гул. В центре этого водоворота, улыбаясь даме в жемчугах, парил виконт Габриэль де Флерьяк. Его камзол из серебристого муара сидел безупречно, кружева манжет были воздушны, а в карих глазах, казалось, танцевали отражения всех свечей залы. Он произносил остроумный комплимент, его голос, бархатный и насмешливый, заставлял даму смеяться.

Никто бы не подумал, что час назад этот же человек, сбросивший маску светского льва, стоял в тесной, душной комнатке под крышей, известной как «Чёрный кабинет». И слушал скучный доклад о перемещениях испанского посла. Габриэль де Флерьяк был одним из «серых кардиналов» Его Величества – агентом Секрета короля, сети шпионов, опутавшей Францию невидимыми нитями. Его легкомыслие было столь же тщательно сконструированной броней, как и стальные латы кирасира.

К нему подошёл невысокий, сутулый человек, проскользнувший между гостями, как тень.

– Новости из Нормандии, – пробормотал он, делая вид, что поправляет жабо Габриэля.

– Говори.

– Дом де Валькуров пал. Маркиз арестован. Но есть нюанс... Дочь, Элоиза, исчезла. И, по слухам, кое-что взяла с собой.

Габриэль не изменился в лице. Он продолжил улыбаться, кивнул знакомому герцогу через залу.

– Что именно?

– Неизвестно. Но Леруа в ярости. Он бросил своих людей по её следу.

– Интересно, – тихо произнёс Габриэль, и в его глазах на мгновение исчезли искорки легкомыслия, сменившись холодным, стальным блеском. – Проследи, куда дует ветер. И найди мне всё, что известно об этой девочке. Всё.

Человек растворился в толпе. Габриэль взял бокал шампанского с подноса проходящего лакея. Он смотрел на золотистые пузырьки, поднимающиеся в хрустале. Падение маркиза де Валькура было не просто ещё одним придворным скандалом. Это был ход в большой игре, где ставкой была не чья-то репутация, а нечто гораздо большее. И теперь на доске появилась новая, непредсказуемая фигура – беглянка с тайной.

Он выпил вино, чувствуя, как знакомый холод азарта щекочет нервы. Охота начиналась. И он ещё не знал, кем в ней окажется – охотником или, быть может, таким же преследуемым зверем. В зеркале напротив он поймал своё отражение – улыбающегося, беззаботного виконта. И на миг ему показалось, что за этим фасадом кто-то ещё смотрит на него. Кто-то очень внимательный и очень опасный.

А далеко на севере, по разбитой дороге в Руан, под ледяным дождём скакала девушка, для которой мир только что раскололся на «до» и «после». И в её кармане, рядом с холодным лезвием складного ножа – последним подарком отца, – лежала тетрадь. Тихий шепот грядущей бури, способной смести не одну жизнь, а, возможно, и сам трон. Она ещё не знала, что её уже ищут. И не только слуги банкира.

Глава1. Дороги, ведущие в Руан

Холод въедался в кости, становясь единственной реальностью. Элоиза не чувствовала лица, пальцы, вцепившиеся в поводья, одеревенели. Персефона, выносливая нормандская кобыла, тяжело дышала, её бока ходили ходуном под Элоизой. Они скакали уже несколько часов, петляя по проселочным дорогам, увязая в осенней грязи, которая чавкала под копытами, словно желая поглотить их. Дождь сменился мокрым снегом, хлопья которого таяли на шерстяном плаще, проникая ледяными струйками за воротник.

Она не позволяла себе думать. Мысли были роскошью, которая могла сломать её. Вместо них в голове стучал, как набат, отцовский приказ: «Руан. Тётка Марго». Тётка Марго, сестра покойной матери, вышедшая замуж за скромного торговца сукном и жившая на узкой улочке недалеко от собора. Она видела её всего дважды в жизни. Будет ли приют? Или её уже ждут?

Дневник жёг кожу на груди, подмокший и тяжёлый. Элоиза помнила каждый мускул на лице отца в последнее мгновение – не страх, а яростную решимость. И ещё глаза того человека, Леруа. Они пришли за ним так быстро. Значит, кто-то предупредил. Значит, в их собственном доме была змея.

На рассвете она свернула в небольшую рощу, чтобы дать лошади передохнуть и сориентироваться. Спрыгнув на землю, она едва не упала – ноги подкосились от усталости и напряжения. Привязав Персефону к дереву, она достала из седельной сумки кусок чёрствого хлеба и сыра, завернутые ещё вчерашней служанкой. Вчера. Это слово казалось из другой жизни.

Именно тогда она впервые разглядела дневник при свете серого утра. Небольшая, потрепанная книга в кожаном переплёте, застёгивающаяся на тусклую металлическую пряжку. Рука дрогнула, но она открыла её. Страницы были исписаны мелким, энергичным почерком отца. Цифры. Суммы. Даты. И имена – некоторые ей знакомые как имена высокопоставленных придворных, другие ничего не говорили. Но вкраплениями, как острые осколки, шли короткие заметки: «Заём под залог коронных земель?», «Перевод в Геную через посредника Л.», «Встреча в «Серебряном Еже» – присутствовал М.». И одно имя повторялось с зловещей регулярностью: «Леруа. Отчёт Леруа. Леруа требует гарантий».

Она захлопнула тетрадь, сердце бешено колотясь. Это была не просто бухгалтерия. Это была карта паутины. И её отец, честный до фанатизма солдат, запутался в ней, пытаясь, как он

сказал, «предотвратить большее зло». Что он пытался предотвратить? Кражу? Измену? Государственный переворот?

Шум на дороге заставил её вздрогнуть. Элоиза припала к земле, выглядывая из-за деревьев. По главному тракту, ведущему к Руану, двигался отряд всадников – человек шесть, в тёмных плащах, без опознавательных знаков. Но по манере держаться, по тому, как они осматривали обочину, было ясно – это не простые путешественники. Охотники. Она прижала Персефону за морду, чтобы та не заржала. Они проехали мимо, не свернув в рощу, но Элоиза поняла: пути к тётке по большой дороге отрезаны. Леруа перекрыл все подходы к городу.

Нужен был план. Нужен был другой путь и, возможно, другая цель. Граф де Сен-Жермен в Париже. Париж был дальше, опаснее, лабиринтом, в котором легче было потеряться навсегда. Но отец сказал: «Он поймёт». Она не могла доверить эту тетрадь никому другому.

Решение созрело, холодное и тяжёлое, как камень в желудке. Она не поедет в Руан. Она отправится в Париж. Но для этого нужны деньги, другие одежды и проводник, знающий дороги, не отмеченные на картах.

Судьба, казалось, услышала её. Днём позже, укрываясь от дождя под навесом полуразрушенной сарайки на окраине ничем не примечательной деревушки, она стала свидетельницей ссоры. Двое грубых мужчин, от которых пахло дешёвым вином и конюшной, пытались отобрать кошелек у пожилого человека с умным, хищным лицом и в поношенной, но добротной одежде странствующего торговца. Старик, однако, не растерялся. Движением, быстрым и точным, он выхватил из-под плаща короткую трость и ударил одного из нападавших по руке. Раздался хруст, и тот с воплем отпрянул. Второй замер в нерешительности.

Элоиза действовала, не думая. Её собственный складной нож, подарок отца, оказался в руке. Она не стала нападать, просто шагнула из тени, подняв лезвие так, чтобы оно блеснуло в тусклом свете.

– Оставьте его, – сказала она, и её голос, хриплый от простуды и напряжения, прозвучал твёрже, чем она ожидала.

Грабители, увидев ещё одного противника, пусть и в лице закутанной в плащ девушки, отступили, пробормотав угрозы, и скрылись в переулке.

Торговец, тяжело дыша, опёрся на трость. Его глаза, маленькие и пронзительные, как у старой вороны, оценивающе скользнули по Элоизе.

– Благодарю, мадемуазель. Не каждую день меня спасают ангелы с клинками. Я – Ренодо, Флоран Ренодо. Торгую галантереей и новостями. А вы?

– Я... мне нужен путь в Париж, – выпалила Элоиза, пряча нож. – Без больших дорог. И мне нужна одежда. Не женская.

Ренодо медленно кивнул, его взгляд упал на её дорогие, хоть и грязные, ботинки, на качественную ткань её промокшего плаща.

– Беглянка, – констатировал он без осуждения. – От семьи? От брака?

– От смерти, – честно ответила Элоиза, и что-то в её тоне заставило старика смягчиться.

– Париж – это далеко. И дорого. У вас есть чем платить?

Она показала ему несколько золотых луидоров, спрятанных в поясе. Отец дал ей их в последнюю секунду. Деньги на бегство.

Ренодо свистнул.

– Хватит. Но одних денег мало. Девушка в мужском платье, одна в дороге – это как флаг на мачте. Вам нужна легенда. И защита.

– У меня есть защита, – она кивнула в сторону ножа.

– Одно лезвие против шести? – он усмехнулся. – Я еду в Париж через неделю. У меня есть товар и... кое-какие дела. Вы можете присоединиться к моему обозу. В качестве моего племянника, глухонемого от рождения. Это объяснит молчаливость и неловкость. А пока мы

найдем вам подходящий камзол и бриджи. В соседнем городке живёт портной, который много мне должен.

В его предложении была бездна риска. Довериться незнакомцу. Но выбор был невелик. Глаза Ренодо были хитрыми, но не жестокими. В них читался расчёт, но не предательство.

– Почему вы помогаете мне? – спросила она.

– Во-первых, вы меня спасли. Во-вторых, я старый торговец, а хорошие долги нужно возвращать. А в-третьих, – он прищурился, – по вам видно, что за вами идёт буря. А в бури иногда выносит на берег самые интересные вещи. Я коллекционирую интересные вещи и новости. Они тоже товар.

Сделка была заключена. Через два дня, переодетая в поношенный, но чистый камзол и бриджи, с волосами, коротко остриженными и спрятанными под широкополой шляпой, «молодой Клод» присоединился к небольшому обозу Флорана Ренодо – двум телегам, нагруженным тюками с лентами, кружевами и пряжками, и трём подводчикам, угрюмым и малоразговорчивым. Лошадь Элоизы впрягли в одну из телег.

Дорога в Париж превратилась в череду бесконечных дней, наполненных страхом и напряжением. Каждая проверка на заставе, каждый встречный всадник заставляли её сердце замирать. Ренодо оказался ценным союзником. Он знал объездные тропы, посты королевских патрулей и умел развязывать языки в придорожных тавернах, выжывая слухи. Именно от него, однажды вечером у костра, когда подводчики спали, она услышала новости, от которых кровь стыла в жилах.

– Ищут девушку, – тихо сказал Ренодо, помешивая угли. – Дочь маркиза де Валькура. Объявлена в розыск за кражу семейных ценностей. Официально. Но шепчут, что дело не в драгоценностях. Шепчут, что маркиз в Бастилии похуже, чем воры, и что банкир Леруа лично заинтересован в поимке беглянки. Очень лично. Называют огромную сумму.

Элоиза молчала, глядя на пламя.

– Ещё шепчут, – продолжал Ренодо, – что за делом де Валькура присматривает кто-то из Версаля. Кто-то из «серых». Сам король, говорят, в ярости от растрат.

– «Серые»? – не удержалась она.

– Тень короны, детка. Глаза и уши Его Величества. Те, кто знает все секреты и умеют их хранить. Или использовать. Если они замешаны, то игра идёт по-крупному.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде не было вопроса. Был ответ.

– Будьте осторожнее, «Клод». В Париже стены имеют уши. А некоторые уши принадлежат графу де Сен-Жермену.

Это имя, произнесённое вновь, ударило в самое сердце. Значит, он и правда ключевая фигура. И о нём знают даже мелкие торговцы.

Тем временем в Версале виконт Габриэль де Флерьяк, казалось, жил лишь балами и интрижками. Он проиграл крупную сумму в фараон, сорвал поцелуй с замужней герцогини и сочинил язвительную эпигramму на старого маршала, которая мгновенно разлетелась по всему двору. Но в те редкие моменты, когда он оставался один в своих покоях, маска спадала. На столе перед ним лежало досье. Тонкое, всего несколько листов.

«Элоиза де Валькур. 17 лет. Образование: домашнее, гувернантка-англичанка. Знает языки, историю, основы математики. Характер: сдержанный, волевой. Увлекается верховой ездой (отличная наездница), чтением. Близких друзей нет. После смерти матери (3 года назад) вела уединённый образ жизни. Подозревается в бегстве в направлении Руана. След обрывается у деревни Бретвиль. Возможная примета: при себе может иметь кинжал с гербом де Валькуров на рукояти».

И ещё одна записка, доставленная тем же сутулым человеком: «Леруа действует через своих людей, неофициально. Нанял бывших солдат и контрабандистов. Мотив выходит за

рамки простого возвращения «украденного». Ищет конкретный предмет. Книгу или тетрадь. Маркиз под пытками молчит».

Габриэль подошёл к окну, глядя на геометрическую строгость версальских садов. Девушка, исчезнувшая с уликами против одного из самых влиятельных финансистов королевства. Отец в Бастилии. И за всем этим маячила тень Сен-Жермена, алхимика, авантюриста, человека, которого боялись и ненавидели при дворе, но с которым вынуждены были считаться. Паутина начинала обретать форму. И Габриэль чувствовал, что его втягивает в неё не как наблюдателя, а как участника. Приказ свыше был краток: «Выяснить, что ищет Леруа. И найти девушку раньше него».

Он улыбнулся своему отражению в тёмном стекле. Охота становилась действительно интересной. Но чтобы поймать лису, иногда нужно самому залезть в нору.

Обоз Ренодо уже подходил к окрестностям Парижа, когда ударила беда. Их остановил на проселочной дороге не патруль, а шайка из трёх человек – грубых, с лицами, изуродованными шрамами и жизнью. Это были не солдаты и не разбойники-одиночки. Они целенаправленно проверяли телеги.

– Ищем беглую служанку, – рыкнул самый крупный, заглядывая в лицо каждому погонщику. Его глаза остановились на Элоизе, притулившейся на облучке. – А это кто?

– Племянник, – бойко ответил Ренодо. – Глухонемой, бедняга. Не причинит вреда.

– Племянник? – Незнакомец пристально посмотрел на тонкие руки Элоизы, на слишком изящную линию подбородка, не скрытую полностью грязью. Внезапно он шагнул вперёд и рванул её за воротник камзола. Ткань лопнула.

На мгновение, роковое мгновение, взору открылась полоска чистой женской кожи у ключицы и край шнуровки грубой рубахи.

В глазах бандита вспыхнуло понимание. Он заорал:

– Это она!

Элоиза отреагировала мгновенно. Кулаком, в котором был зажат тяжёлый конец повода, она ударила его в горло. Тот захрипел и отступил. Она спрыгнула с телеги, нога больно повернулась, но она побежала в сторону ближайшего леса. Крики, топот ног за спиной. Выстрел – пуля просвистела рядом, срезав ветку. Она нырнула в кусты.

Глава 2. Тени Парижа

Боль была острой и жгучей, но страх был сильнее. Элоиза, спотыкаясь и хватая ртом воздух, продиралась сквозь густой подлесок. Крики преследователей, грубые и полные злорадства, доносились всё ближе. Ветки хлестали её по лицу, рвали камзол на плече, обнажённом после того рокового рывка. Она слышала, как Ренодо что-то кричал, пытаясь, видимо, задержать бандитов, но его голос быстро оборвался, заглушённый ударом и тяжёлым стоном.

«Беги. Только беги». Мысли пульсировали в такт бешеному стуку сердца. Нога, подвернувшаяся при прыжке, ныла, но держала. Она не могла позволить себе остановиться. Дневник, завернутый в промасленную ткань и привязанный к телу под рубахой, давил на рёбра, напоминая о своей смертельной важности.

Лес внезапно оборвался, упираясь в крутой обрыв над узкой, грязной речушкой. Путь вперёд был отрезан. Повернув налево, вдоль кромки деревьев, она увидела в полукилометре дымок – должно быть, хутор или постоянный двор. Но идти туда было равносильно самоубийству. Позади уже слышался треск ломаемых кустов.

Отчаянно оглядевшись, Элоиза заметила в склоне обрыва, почти у самой воды, чёрный провал – вход в небольшую пещеру, скрытый свисающими корнями ивы. Не раздумывая, она съехала вниз, осыпая землю, и втянулась в узкое отверстие. Внутри пахло сыростью, гнилью и зверем. Но это было укрытие.

Она прижалась к холодной земляной стене, затаив дыхание. Через несколько мгновений над обрывом показались трое. Самый крупный, тот, что рвал её камзол, держался за горло, но глаза его горели яростью.

– Куда она подевалась, стерва?!

– Должна быть тут! Следы ведут сюда!

Они разбрелись вдоль обрыва, тыкая шпагами в кусты. Один из них подошёл к самому краю и посмотрел вниз, прямо на вход в пещеру. Элоиза зажмурилась, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Сердце колотилось так громко, что ей казалось, его слышно наверху.

– Внизу только вода и грязь, – прокричал он через мгновение, плюнув в речку. – Может, в сторону того хутора?

– Проверим. А старика прикончили?

– Дышит ещё. Но надолго ли? Остальных разогнали, телеги забрали. Хозяин будет доволен добычей.

– А девчонка-то ускользнула. Леруа за это не похвалит.

Их голоса стали удаляться. Элоиза сжала кулаки, чтобы не вскрикнуть. Ренодо... Он заплатил за её спасение. И теперь, оставшись одна, без лошади, без денег (кошелёк остался в телеге), она была в ловушке. Париж, казавшийся уже таким близким, снова отдалился на недостижимое расстояние.

Она просидела в пещере до самых сумерек, пока не убедилась в тишине. Выбравшись, окоченевшая и голодная, она первым делом напилась из речки, а затем, движимая чувством долга и отчаяния, поползла обратно к месту нападения.

Картина, открывшаяся ей, была мрачной. Телег не было. Двое подводчиков Ренодо лежали неподвижно в канаве. Третий исчез. Сам торговец сидел, прислонившись к дереву, прижимая к голове окровавленный тряпичный компресс. Увидев Элоизу, он не удивился, лишь слабо хмыкнул.

– Вернулась, птенчик? Не самое разумное решение.

– Вы живы... – прошептала она, падая перед ним на колени.

– Череп старого торговца крепок, – процедил он, морщась от боли. – Один мертв, двое сбежали, прихватив что полегче из товара. Телеги, лошади, твоя кобыла... всё у них. И твой кошелёк тоже.

– Простите, – голос её сорвался. – Это из-за меня.

– Из-за тебя меня не убили с первого удара, – отрезал Ренодо. – Они пришли за тобой. Целенаправленно. Значит, кто-то пустил слух по дороге или нас выследили. Леруа не дремлет. – Он посмотрел на неё тяжёлым взглядом. – Теперь слушай. До Парижа пешком два дня. У меня здесь, в этой деревне, есть... деловой партнёр. Не спрашивай кто. Он даст нам кров на ночь и, может, старую клячу. Но дальше наши пути расходятся, детка. Мне надо спасти то, что осталось от моего дела. А тебе... тебе нужно исчезнуть.

Помогая ему подняться, почти неся на себе его вес, Элоиза почувствовала, как последние силы покидают её. Но мысль о тетради, жгущей кожу, не давала сломаться.

«Деловым партнёром» оказался хозяин самой убогой таверны на окраине деревушки – низенький, подслеповатый человечек по имени Гуго. Он не задавал вопросов, лишь кивнул, увидев Ренодо, и указал на крутую лестницу в подвал. Там, среди бочек с прогорклым пивом и запахов плесени, они провели ночь. Ренодо, получив от Гуго какую-то мутную настойку и чистую повязку, быстро заснул тяжёлым, беспокойным сном. Элоиза же не сомкнула глаз. Она достала дневник и при тусклом свете сального огарка вновь вглядывалась в строки. Теперь, зная имя Леруа, она искала связи. И нашла. Рядом с некоторыми именами придворных стояли пометки: «Через Л.», «Гарантия от Л.», «Л. подтверждает». Леруа был не просто кредитором. Он был центром, пауком в этой паутине. И тетрадь, возможно, была свидетельством того, как он, используя королевские деньги, ссужал их же придворным под огромные проценты, а те, в

долговой петле, становились его марионетками. Отец, должно быть, наткнулся на это и попытался собрать доказательства.

На рассвете Ренодо разбудил её. Он выглядел немного лучше, но старость и рана давали о себе знать.

– Гуго дал ослика и немного еды. Дальше – сам. Вот, – он сунул ей в руку несколько серебряных монет. – Это всё, что смог выпросить. Не до Парижа, но на хлеб хватит. Запомни: в Париже ищи квартал Сен-Марсо. Спроси Матушку Гурон. Скажешь, что от старого Флорана. Она... помогает таким, как ты. Спрячет, даст совет.

– Почему вы всё это делаете? – снова задала она свой вопрос, чувствуя, что за его практичностью кроется что-то ещё.

Ренодо на мгновение задумался, его хищное лицо смягчилось.

– У меня была дочь. Её возраст. Её тоже поглотила буря, которую я не смог предвидеть. – Он махнул рукой, отрезая дальнейшие расспросы. – Теперь иди. И не попадайся. Если Леруа и «серые» ищут тебя вместе, то игра идёт на уничтожение.

Она ушла на рассвете, верхом на жалком ослике, одетая в старый плащ Гуго, скрывавший её мужскую одежду. Прощальный взгляд на Ренодо, сидящего у дверей таверны, стал ещё одним грузом на её душе.

Дорога в Париж превратилась в испытание на выносливость. Она избегала больших трактов, ночевала в стогах сена, питалась чёрствым хлебом и сыром. Монеты Ренодо она берегла на самый крайний случай. Париж рос на горизонте постепенно: сначала дым сотен труб, затем очертания башен, и наконец, грязная, кишмящая людьми и скотом окраина.

Ворота Сен-Марсо встретили её вонью, гамом и давкой. Она чувствовала себя песчинкой, затерянной в бурлящем муравейнике. Крики разносчиков, рёжь пил, звон молотов, смех, ругань, плач детей – всё сливалось в оглушительную симфонию большого города. Спросив у торговки селёдкой о Матушке Гурон, она получила лишь недоверчивый взгляд и указание идти вглубь квартала, к старой колодцевой площади.

Матушка Гурон оказалась не старухой, а женщиной лет сорока с лицом, хранящим следы былой красоты, и острыми, всё видящими глазами. Она держала лавчонку, где продавала снадобья, травы и, как шептались, яды. Услышав имя Флорана Ренодо, она долго и пристально разглядывала Элоизу.

– От старого мошенника? Ну что ж, проходи, – наконец сказала она, отодвинув занавеску в задней части лавки. В крошечной комнатке, заваленной сушёными пучками трав, пахло полынью и тайной.

– Он сказал, вы можете помочь.

– Помочь спрятаться? На время – да. У меня есть чердак. Но в квартале Сен-Марсо долго ничего не остаётся тайной. Ты кому нужна?

– Леруа. И, возможно, другим.

Имя банкира заставило Матушку Гурон вздрогнуть почти незаметно.

– О-хо. Заплыла в глубокие воды, дитяtko. Леруа здесь не ходит, но у него здесь глаза и уши. И руки. Длинные. – Она присела на сундук, изучая Элоизу. – Что ты намерена делать?

– Мне нужно найти графа де Сен-Жермена.

На этот раз женщина не скрыла удивления, а затем тихо засмеялась, но в смехе не было веселья.

– Меж молотом и наковальней. Леруа – это змея. А Сен-Жермен... о нём ходят легенды. Говорят, он продал душу за знания, что он бессмертен, что он шпион всех дворов Европы. Он живёт в отеле Санс, но попасть к нему труднее, чем к королю. Его охраняют не столько стены, сколько страх.

– У меня есть то, что ему нужно, – твёрдо сказала Элоиза, хотя в душе сомневалась.

– Всё, что нужно Сен-Жермену, он находит сам. Но... – Матушка Гурон задумалась. – Есть один человек. Поэт-неудачник, пьяница, болтун. Он иногда выполняет мелкие поручения для людей из окружения графа. Зовут его Жюльен. Он торчит в кабачке «Упавший Ангел» у моста Менял. Можешь попытаться через него. Но будь осторожна. Он продаст собственную мать за бутылку.

На чердаке Матушки Гурон, под крышей, где гулял сквозняк и слышались крики с улицы, Элоиза наконец позволила себе дрогнуть. Она плакала тихо, от усталости, страха и горя по отцу, судьба которого была ей неизвестна. Но слёзы высохли быстро. Осталось холодное, стальное решение. Завтра она найдёт этого Жюльена.

Тем временем в Версале виконт Габриэль де Флерьяк делал свой ход. Узнав от своего тайного информатора (сутулого человека, появлявшегося, как тень) о провале людей Леруа на дороге в Париж и об исчезновении девушки в окрестностях города, он понял, что действовать нужно иначе. Леруа искал грубой силой. Габриэль решил использовать тонкость.

Он появился в знаменитом салоне мадам де Помпадур – не как шпион, а как светский лев. Искусно направляя разговор, он ввернул историю о «несчастном маркизе де Валькуре, впадшем в немилость из-за каких-то тёмных финансовых дел». Реакция была мгновенной. Один из присутствующих, близкий к министерству финансов, нахмурился:

– Да, дело грязное. Говорят, Леруа в ярости. Потерял какую-то важную бумагу. Ищет её по всему королевству.

– Бумагу? – невинно переспросил Габриэль, попивая вино. – Неужели вексель стоит столько шума?

– Говорят, не вексель, – понизил голос собеседник. – Говорят, это книга учёта. Та, что может отправить на плаху не только де Валькура, но и половину его кредиторов.

Габриэль уловил взгляд ещё одного гостя – барона де Монтрея, известного своим близким знакомством с Сен-Жерменом. Барон слушал, не проронив ни слова, но его глаза были внимательны. Игра пошла.

Позже той же ночью, сменив шитый золотом камзол на тёмный плащ, Габриэль спустился в подвал одного из версальских флигелей, где его ждал тот самый сутулый человек.

– Новости из Парижа, – прошепелявил тот. – Девушка была в квартале Сен-Марсо. Её видели. Исчезла в лавке травницы Гурон. Леруа ещё не знает, но его люди уже рыщут в том районе.

– Оповестите наших людей в городе. Я хочу, чтобы её нашли. Но не Леруа. Мною. Аккуратно. И передайте барону де Монтрею, что я желаю побеседовать с ним о... алхимических опытах графа де Сен-Жермена. Завтра.

– Слушаюсь. А что с Леруа?

– Пусть ищет, – улыбнулся Габриэль. – Чем больше он суетится, тем больше ошибок делает. И тем яснее видна нить, ведущая к его хозяевам.

На следующее утро Элоиза, переодетая в платье служанки, подаренное Матушкой Гурон («В мужском платье тебя теперь как паяца узнают»), отправилась на мост Менял.

Глава 3. Ангел и Змея

Кабачок «Упавший Ангел» был похож на грязную рану в теле моста Менял. Сквозь запотевшие окна лился тусклый желтый свет, смешиваясь с густыми клубами табачного дыма и испарениями дешевого вина. Элоиза, поправив платок на голове, скрывавший её светлые волосы, сделала глубокий вдох и толкнула низкую дверь. Гам, вонь и взгляды десятков глаз обрушились на неё. Здесь были грузчики с причалов, оборванные ремесленники, подозрительные личности в потертых камзолах и несколько женщин, чьё занятие не вызывало сомнений.

Она проскользнула к стойке, где толстый, лысый трактирщик с равнодушным видом вытирал кружки.

– Мне нужен Жюльен, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Трактирщик оценивающе посмотрел на неё.

– А тебе зачем? Он должен.

– Я принесла ему кое-что. От мадам Гурон.

Услышав это имя, трактирщик хмыкнул и кивнул в угол. Там, за столом, залитым вином, сидел худой мужчина лет тридцати с лишком. Его когда-то дорогой, но теперь истёртый до ниток камзол висел на нём мешком. Темные волосы спадали на лоб, скрывая часть лица, но даже в полутьме было видно, что черты его могли бы быть благородными, если бы не опухшие веки, тремор в длинных пальцах и выражение циничной усталости. Перед ним стояла почти пустая бутылка.

Элоиза подошла и села напротив. Жюльен медленно поднял на неё взгляд. В его глазах не было ни интереса, ни удивления – лишь туманная апатия.

– Если ты пришла взыскивать долг, у меня нет даже на новую бутылку, – проскрипел он хрипло.

– Я пришла купить информацию. И предложить работу.

Он фыркнул, потянулся к бутылке, осушил её до дна и поставил с глухим стуком.

– Информация – дорогое удовольствие. Работа – тем более. А ты, милочка, пахнешь страхом и бегством. Такие платят редко.

– Я заплачу, когда ты выполнишь поручение. Мне нужна встреча. С графом де Сен-Жерменом.

Имя подействовало, как ушат ледяной воды. Жюльен выпрямился, его взгляд прояснился на секунду, в нём мелькнула смесь страха и жадного любопытства.

– Ты с ума сошла? Или ты из его... лабораторий? – Он прищурился. – Нет, не похожа. Ты пахнешь деревней и благородным горем. Что тебе от него?

– Это моё дело. Ты можешь устроить встречу или нет?

– Никто не «устраивает» встречи с Сен-Жерменом. Он сам является, когда считает нужным. Но... – Жюльен понизил голос, его глаза забегали по залу. – Я иногда переписываю для него стихи. Чистым почерком. И разношу письма. Его слуга, старый грек по имени Никита, иногда даёт мне такие поручения. За бутылку и пару экую.

– Тогда передай ему это. – Элоиза, оглядевшись, быстро разжала кулак. На ладони лежала аккуратно отрезанная полоска пергамента из дневника. На ней были всего три строчки: цифры, буква «Л.» и дата – день, когда её отец был арестован.

Жюльен посмотрел на клочок, не касаясь его.

– И что это?

– Скажи, что обладательница полного документа желает аудиенции. Что это касается дел Леруа и королевской казны. И что она ждёт в лавке мадам Гурон до завтрашнего вечера. Если граф заинтересуется – пусть пришлет знак.

– Леруа... – прошептал Жюльен, и по его лицу пробежала судорога. – Ты играешь с огнём, девочка. Этот человек сжигает тех, кто роется в его бумагах.

– Значит, у тебя есть стимул сделать всё осторожно, – холодно сказала Элоиза, вставая. – Если я исчезну, полный документ попадёт в другие руки. Возможно, в руки врагов графа. Думаю, он это оценит.

Она вышла на улицу, чувствуя, как дрожь бьёт её изнутри. Этот шаг был отчаянным. Она выставила себя как приманку. Но другого выхода не было. Сидеть в норе на чердаке означало медленную смерть.

Ожидание стало пыткой. Матушка Гурон, узнав о плане, лишь мрачно покачала головой, но дала ей склянку с успокаивающим отваром и поставила у двери своего племянника-подростка в качестве дозорного. Лавка работала как обычно; приходили за лечебными травами,

любовными зельями, средствами от крыс. Каждый звонок колокольчика над дверью заставлял сердце Элоизы замирать.

Тем временем в отеле Санс, особняке с мрачноватой репутацией на набережной Отель-де-Виль, граф де Сен-Жермен изучал принесённый клочок. Он стоял у камина в своём кабинете, заваленном алхимическими ретортами, редкими манускриптами и странными механизмами. Огонь играл на его безукоризненно гладком лице, возраст которого было невозможно определить – ему можно было дать и тридцать, и пятьдесят. Его глаза, тёмные и невероятно пронизательные, казалось, видели не только чернила на пергаменте, но и руку, которая его отрезала, и страх, который двигал этой рукой.

– Никита, – тихо произнёс он. Его слуга, сухопарый человек с лицом, высеченным из камня, возник из тени. – Этот пьяница-поэт... он сказал, что девушка ждёт ответа у травницы Гурон?

– Так точно, ваше сиятельство. До завтрашнего вечера.

– Леруа уже вёл себя как слон в лавке фарфора на дороге в Париж. Теперь его люди, без сомнения, уже прочесывают Сен-Марсо. Интересно, знает ли он, что ищет не просто беглянку, а ключ к своей собственной виселице? – Граф бросил клочок в огонь. Он вспыхнул синим пламенем и исчез. – Навестите мадам Гурон. Незаметно. Приведите ко мне эту птичку. Но, Никита... убедитесь, что за вами не следят. И что за ней – тоже. Если там будут «серые» Леруа, действуйте по обстоятельствам. Девушка и её ноша должны быть доставлены живыми. Остальное не имеет значения.

Версаль в этот день был полон иного напряжения. Виконт Габриэль де Флерьяк вёл изысканную беседу с бароном де Монтреем в одной из галерей дворца. Разговор шёл о модных в обществе алхимических опытах, но оба понимали подтекст каждого слова.

– Граф де Сен-Жермен, конечно, непревзойдённый мастер, – говорил Габриэль, любуясь своим отражением в зеркале. – Но говорят, его интересуют не только философский камень и эликсиры. Он коллекционирует... информацию. Особенно ту, что может поколебать устои.

Барон де Монтрей, человек с лицом учёного хорька, внимательно наблюдал за ним.

– Информация – это тоже своего рода философский камень, виконт. Она может превращать врагов в пыль. Вы, кажется, чем-то озабочены?

– О, меня заботит лишь скука придворной жизни, – улыбнулся Габриэль. – И иногда судьбы тех, кто становится пешками в больших играх. Например, дочери маркиза де Валькура. Говорят, она где-то в Париже. Бедняжка, одна, без защиты... в таком городе, кишасщем волками.

Взгляд барона стал острым.

– Волки бывают разные. Одни рыщут по улицам, другие носят шелк и пудру. Забота о пешках – редкое качество для игрока.

– Я не игрок, барон. Я просто зритель, которому интересен спектакль. И иногда... хочется подсказать реплику забытой актрисе. Вы же знакомы с графом. Как вы думаете, заинтересуется ли он такой... потерянной редкостью?

Молчание барона было красноречивее слов. Он кивнул, почти не заметно. Канал связи был установлен.

Вечер опустился на Париж, тяжёлый и душный. В лавке мадам Гурон Элоиза в сотый раз подходила к окну, отодвигая край занавески. Улица пустела. Внезапно её взгляд уловил движение в переулке напротив. Два мужчины в темных, неброских плащах замерли в тени, их позы были слишком напряжёнными для простых прохожих. Ещё один обошёл угол и жестом что-то показал им. «Серые» Леруа. Они вычислили её.

В этот момент с заднего хода лавки, ведущего в глухой дворик, вошёл Никита. Он появился так бесшумно, что Элоиза вздрогнула, только услышав его низкий голос:

– Если вы хотите жить, идите сейчас. Они уже здесь.

Матушка Гурон, не задавая вопросов, сунула Элоизе в руки узелок с едой и тёмный плащ с капюшоном.

– Через подвал, в соседний дом, потом по крышам. Он знает путь.

Никита кивнул и отодвинул ловушку в полу за прилавком. Оттуда пахло сыростью и холодом. Элоиза бросила последний взгляд на женщину, которая на два дня стала ей убежищем.

– Спасибо.

– Не благодари. Просто выживи. И сожги того змея, – буркнула Гурон.

Они спустились в подвал, проползли по низкому туннелю и оказались в винном погребе соседнего дома. Никита двигался с кошачьей уверенностью. Поднявшись на чердак, он открыл слуховое окно. Перед ними открылся фантазмагорический вид на море крыш, труб, островерхих мансард и перекинутых между ними мостков.

– За мной. И не смотрите вниз.

Они побежали. Черепица скользила под ногами, ветер рвал плащ. Элоиза, задыхаясь, старалась не отставать. Сзади, со стороны лавки, донёсся звук выбиваемой двери и приглушённые крики. Погоня началась.

Никита вел её к Сене. Внезапно он остановился на краю высокой крыши, выходившей на узкий канал. Внизу, в темноте воды, покачивалась лодка под чёрным тентом. Это был путь к отступлению.

– Вниз по водосточной трубе. Быстро.

Но в этот момент из тени трубы на соседней крыше выпрямилась фигура. И ещё одна. «Серые» нашли их путь. Один из них, прицелившись, выстрелил из аркебузы. Выстрел грохнул, разбивая тишину ночи. Пуля пробила капюшон Никиты и рикошетом ударила в трубу рядом с головой Элоизы, осыпав её осколками кирпича.

– Прыгайте! – крикнул грек, отталкивая её к краю крыши и разворачиваясь к преследователям с обнажённой шпагой в одной руке и коротким кинжалом в другой.

Элоиза, не раздумывая, схватилась за ржавый железный крюк, с которого спускалась цепь для подъёма грузов, и соскользнула вниз. Цепь обожгла ладони, но она удержалась, упав в лодку, которая закачалась под её весом. Она оглянулась. На крыше мелькали тени в смертельной схватке. Никита, казалось, был повсюду сразу, его клинки сверкали в лунном свете. Один из нападавших рухнул без звука. Но второй успел крикнуть, подзывая подмогу. С улицы уже неслись ответные крики.

Внезапно Никита, отбросив противника ударом эфеса, прыгнул с крыши. Он не стал спускаться по цепи, а камнем упал в воду рядом с лодкой и через секунду, обливаясь водой, был уже в ней, хватая вёсла.

– Гребите! – его голос был спокоен, но на виске текла тёмная струйка.

Она схватила второе весло. Лодка рванулась вперёд, скользя под аркой моста, уходя в лабиринт узких каналов. Крики преследователей остались позади, растворяясь в ночном гуле Парижа.

Через полчаса они причалили к каменным ступеням под массивным, мрачным фасадом отеля Санс. Никита, всё ещё истекая кровью, помог ей подняться. Через потайную дверь они вошли прямо в кабинет.

Граф де Сен-Жермен стоял у того же камина. Он обернулся. Его взгляд скользнул по окровавленному виску слуги, по бледному, испачканному сажей лицу Элоизы, по её разодранному в кровь ладоням.

– Никита, позаботься о себе. Мадемуазель де Валькур, я полагаю? – его голос был мелодичным, холодным и всевидящим. – Добро пожаловать в мой скромный дом. Вы принесли с собой бурю.

– Я принесла то, что ищет Леруа и, возможно, вы, – выдохнула Элоиза, чувствуя, как последние силы покидают её. Она сунула руку за пазуху и вытащила тетрадь, завернутую в промасленную ткань. – Дневник моего отца.

Сен-Жермен не спеша взял её. Он не стал сразу открывать, а лишь взвесил на ладони, как будто оценивая её истинный вес.

– И что вы хотите в обмен? Спасения? Справедливости? Мести?

– Я хочу правды. И хочу спасти имя отца. Остальное... я готова обсудить.

Граф наконец открыл тетрадь. Его глаза пробежали по страницам с нечеловеческой скоростью. На его лице ничего не отразилось, но атмосфера в комнате изменилась.

– Правда, мадемуазель, – произнёс он наконец, – вещь коварная. Она редко приносит спасение. Чаще – гибель. Ваш отец был храбрым человеком. И безрассудным. Он вёл учёт не только украденному, но и тем, кто стоял за кражей. – Граф сделал паузу, его тёмные глаза впились в Элоизу. – Вы понимаете, что одно только владение этой тетрадью делает вас мишенью для половины влиятельных людей Франции?

Элоиза, всё ещё стоявшая посреди роскошного, но мрачного кабинета, почувствовала, как подкашиваются ноги. Адреналин бегства ушёл, оставив ледяную пустоту и осознание всей глубины пропасти, в которую она шагнула.

– Я понимаю только, что моего отца оклеветали, – сказала она, сжимая кулаки так, что боль в обожжённых ладонях пронзила её, вернув остроту чувств. – Эти цифры, эти инициалы... «Л.» – это Леруа, генеральный откупщик. Но здесь есть и другие. Я не всё могу расшифровать, но я знаю, что это ключ к заговору, который опустошал казну, пока король строил Версаль.

Сен-Жермен тихо рассмеялся, но в смехе не было веселья.

– О, это не просто заговор, дитя мое. Это система. Паутина, в которой Леруа – лишь одна, пусть и жадная, паучиха. Вырвите её – и другая тут же займёт её место. Ваш отец хотел разорвать всю паутину. За что и поплатился.

Он подошёл к столу, поставил тетрадь рядом с причудливым астробиомом.

– Вы предлагаете мне этот документ в обмен на защиту и восстановление чести вашего дома?

– Я предлагаю вам союз, – выпрямилась Элоиза, глотая комок в горле. – У вас есть влияние, связи, знание этих теневых игр. У меня – доказательства. Помогите мне очистить имя отца, и тетрадь поможет вам... обрезать те нити в паутине, которые вам мешают.

– Прагматично, – кивнул граф. – Вы учитесь быстро. Но я не благотворитель. И моя цена высока. Тетрадь остаётся у меня. Сейчас же. А вы... вы становитесь частью моего дома. Под моей полной опекой и защитой. Вы исчезнете для мира. Элоиза де Валькур должна будет перестать существовать.

Ледяная волна прокатилась по её спине.

– Что вы имеете в виду?

– Я предоставлю вам новую личину, положение, имя. Вы будете там, где я скажу, и делать то, что я сочту нужным. Взамен я использую информацию из дневника, чтобы уничтожить Леруа и тех, кто непосредственно причастен к гибели вашего отца. Их публичное падение станет посмертным оправданием маркиза. Но высшие нити паутины... те останутся нетронутыми. Таков компромисс.

Это была сделка с дьяволом. Она чувствовала это каждой клеткой. Отдать единственный козырь, потерять себя, своё имя, и довольствоваться лишь частью правды.

– А если я откажусь? – едва слышно спросила она.

– Тогда вы свободны уйти, – развёл руками Сен-Жермен. – Возьмите свою тетрадь и попробуйте пройти через Париж одни. Леруа уже знает, что вы здесь. Его люди окружают этот квартал. Без моей защиты вы не проживёте и дня. Никита, – он повернулся к слуге, который

уже вернулся, с перевязанной головой и в сухом камзоле. – Проводите мадемуазель до двери, если она того пожелает.

Грек молча кивнул, его каменное лицо ничего не выражало. Элоиза посмотрела на тетрадь, лежащую на столе. На пламя в камине. На невозмутимое лицо графа, в чьих глазах отражались и мудрость веков, и бездонная холодная пустота.

Она сделала шаг вперёд.

– Я согласна.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое и необратимое.

– Мудрое решение, – Сен-Жермен позволил себе лёгкую улыбку. – Никита, отведите мадемуазель в синие покои. Пусть она отдохнёт. Завтра мы начнём.

Проведённая через лабиринт коридоров отеля Санс, Элоиза оказалась в комнате, обитой тёмно-синим дамастом. Мебель была богатой, но мрачноватой. Огонь в камине уже разгорался. Ей принесли еду, горячую воду для умывания и чистую, простую одежду – тёмное шерстяное платье служанки. Роскошь здесь была скрытой, функциональной.

Она не могла есть. Сидя у огня, она смотрела на свои перевязанные ладони. Она продала душу. Но разве у неё был выбор? Мысль о том, что где-то здесь, в этом же доме, лежит дневник отца, который она отдала чужому человеку, терзала её. Но у неё оставалось кое-что ещё. Память. За те несколько дней, что она провела в бегах, она почти выучила ключевые страницы наизусть. Цифры, имена, даты жгли её изнутри. Это был её тайный козырь, о котором не знал даже всевидящий граф.

Её размышления прервал тихий скрип двери. В комнату вошла невысокая пожилая женщина в тёмном, с ключами у пояса. Её лицо было испещрено морщинами, а глаза смотрели с безразличной строгостью.

– Меня зовут Марта. Я экономка его сиятельства. Он приказал обеспечить вас всем необходимым. Завтра утром с вами начнут заниматься.

– Заниматься? Чем?

– Вам предстоит многое узнать. О доме, о правилах, о вашей новой роли. Сейчас вам следует отдыхать. Окна здесь не открываются, – добавила она бесстрастно. – И выходить из комнаты без сопровождения строгойше запрещено. Для вашей же безопасности.

Дверь закрылась. Элоиза подбежала к окну. Оно действительно не поддавалось. Толстые свинцовые переплеты и матовое стекло. Она была в золотой клетке. Безопасной, прочной и абсолютно безвыходной.

Тем временем в кабинете графа де Сен-Жермена появился новый посетитель. Его ввели через потайной ход за книжным шкафом. Это был виконт Габриэль де Флерьяк. Его безупречный камзол был слегка помят, а на лице играла привычная полуулыбка, но в глазах светилось острое любопытство.

– Ну что, ваше сиятельство, птишка в клетке?

– Птишка согласилась войти в клетку добровольно, – поправил его Сен-Жермен, предлагая гостю бокал тёмного вина. – Что весьма благоразумно с её стороны. Документ у меня.

– И? – Габриэль присел на край стола, пренебрегая этикетом. – Он того стоит?

– Он того стоит, чтобы Леруа бросил на её поиски всех своих «серых» и готов был сжечь пол-Сен-Марсо. Записи Валькура... они не просто обличают в махинациях. Они указывают на канал, по которому украденное золото уходило за границу. И на того, кто этот канал контролировал. Имя, которое там упомянуто, будет сюрпризом даже для двора.

Габриэль присвистнул.

– Интригуете. И что вы намерены делать?

– Сначала – обезвредить Леруа. Используя его же жадность. У меня есть план, для которого потребуется ваше... светское участие, виконт. Вам предстоит стать ангелом-хранителем нашей юной героини, но в ином обличье.

– О, я обожаю перевоплощения, – улыбнулся Габриэль. – Но она доверяет вам? После того как вы фактически взяли её в плен?

– Она не доверяет никому. И это правильно. Но она ненавидит Леруа больше, чем боится меня. Этого пока достаточно. А теперь идите. Мне нужно написать письмо. Кажется, господину генеральному откупщику пора получить предложение, от которого он не сможет отказаться.

Когда Габриэль ушёл, граф долго сидел в раздумьях, глядя на пламя. План созрел. Но одна деталь беспокоила его. Тетрадь была полна шифров, и некоторые страницы, судя по переплёту, могли быть удалены ещё до того, как она попала в руки девушке. Что, если у неё есть что-то ещё? Что, если она, как и её отец, ведёт свою собственную игру?

На следующее утро для Элоизы началась новая жизнь. Марта привела её в небольшую комнату, похожую на библиотеку и класс одновременно. Там её ждал сухопарый мужчина в очках, представившийся мсье Леграном. Он был учителем.

– Его сиятельство считает, что вам необходимо усовершенствовать некоторые навыки, мадемуазель, – сказал он, не глядя ей в глаза. – Мы начнём с каллиграфии. Ваш почерк должен стать безупречным и... неузнаваемым. Затем – история знатных домов Парижа, этикет, основы итальянского и музыкальная грамота.

– Для чего? – спросила Элоиза, ошеломлённая.

– Для вашей новой жизни. Вы будете играть роль. А хорошая актриса должна знать свою партию назубок.

Дни превратились в монотонную череду уроков, заточения в комнате и редких, всегда сопровождаемых прогулок по внутреннему дворику под присмотром Никиты. Она училась писать другой рукой, запоминала гербы и родословные, училась кланяться и держать веер. Её природный ум и отчаянная жажда выжить помогали ей схватывать всё на лету. Но внутри всё кипело. Она чувствовала себя куклой, которую одевают и готовят к выходу на сцену, не спрашивая, хочет ли она играть.

Через неделю её впервые позвали к графу. Он сидел в том же кабинете.

– Вы делаете успехи, – констатировал он. – Пришло время для первого задания. Завтра в Лувре состоится приём в честь посла Савойи. Леруа будет там. Вы тоже.

Элоиза похолодела.

– Я? Но меня узнают!

– Вас не узнает никто, – он подал ей небольшой портрет, выполненный акварелью. На нём была изображена миловидная блондинка с грустными глазами. – Вы будете мадемуазель Сесиль д'Обервиль, дальней родственницей дома де Бриссак, недавно прибывшей из провинции. Ваша история – вы опечалены скоропостижной кончиной тётушки и ищите покровительства при дворе. Виконт де Флерьяк, ваш «двоюродный брат», представит вас обществу.

– И что я должна делать?

– Ничего особенного. Быть на виду. Скромной, немного потерянной. Леруа обязательно приблизится к вам. Он уже получил анонимное письмо, где сказано, что девушка, сбежавшая от него, может появиться на этом приёме под чужим именем. Его жадность и паранойя сделают всё за нас. Вам нужно лишь дать ему повод убедиться, что вы – это вы.

– Какой повод?

Граф достал из ящика стола небольшой медальон. Внутри была миниатюра – портрет молодого человека в военном мундире.

– Ваш отец в молодости. Леруа видел этот портрет в его кабинете. Если вы «случайно» оброните медальон и будете слишком по-дочернему сокрушаться о нём... он клюнет.

Элоиза взяла медальон дрожащими пальцами. Холодный металл обжёг её. Использовать память об отце как приманку в ловушке... это казалось святотатством.

– А что потом? Он попытается меня схватить прямо при дворе?

– О, нет. Он попытается выведать, где вы скрываетесь, и проследит. А мои люди проследят за ним. Мы позволим ему привести нас к одному очень важному месту. К его личному архиву, где хранятся все оригиналы документов, с которыми работал ваш отец. Нам нужны они. Чтобы удар был неотразимым.

Она поняла. Её снова использовали как наживку. Но теперь это был её сознательный выбор.

– Хорошо, – сказала она твёрдо. – Я это сделаю.

Вечером, глядя на платье цвета морской волны, которое приготовила для неё Марта, Элоиза чувствовала лишь пустоту. Платье было прекрасно, но оно было маскарадным костюмом. Она примерила медальон. Миниатюрный портрет отца, такого, каким она его не знала – без седины и морщин, полного надежд, смотрел на неё. «Прости меня, отец, – прошептала она. – Но это единственный путь».

Приём в Лувре был ослепительным. Сотни свечей отражались в зеркалах, шелест шёлков смешивался с музыкой и придворными сплетнями. Элоиза, держась за руку «кузена» Габриэля, чувствовала, как у неё подкашиваются ноги. Его лёгкая, ироничная болтовня была ей опорой.

– Боже, как вы бледны, кузина, – тихо сказал он, улыбаясь знакомым. – Соберитесь. Смотрите, вон он, наш кит-откупщик. Толстый, в лиловом, с лицом, как у недовольного бульдога.

Леруа действительно выделялся. Его массивная фигура, обтянутая дорогим, но безвкусным камзолом, излучала грубую силу и беспокойство. Его маленькие глазки бегали по залу, выискивая что-то. Или кого-то.

Габриэль ловко провёл Элоизу через зал, представляя её как «бедную сиротку Сесиль». Она кланялась, бормотала заученные фразы, чувствуя на себе тяжёлый, изучающий взгляд Леруа. Он приблизился, когда она оказалась у открытого балкона, якобы подышать воздухом.

– Мадемуазель д'Обервиль, если не ошибаюсь? – его голос был густым, сильным. – Я слышал о вашей потере.

– Примите соболезнования, – закончил он фразу, и его маленькие глазки, словно бусинки, впились в её лицо, выискивая малейшую дрожь, тень воспоминания. – Потеря близкого человека – это всегда удар. Особенно когда не остаётся даже тела, чтобы предать его земле.

Элоиза почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это был не просто намёк – это был укол, испытующий укол. Она опустила глаза, делая вид, что смахивает несуществующую слезу, и её пальцы инстинктивно сомкнулись на медальоне, спрятанном под кружевами лифа.

– Благодарю вас, месье, – прошептала она голосом, который сама едва узнавала – тонким, надтреснутым, голосом провинциальной барышни. – Да, это... очень тяжело. Иногда кажется, что весь мир стал чужим.

– О, я понимаю, – Леруа сделал шаг ближе, и от него пахло дорогим табаком, вином и чем-то затхлым, словно от старых бумаг. – Иногда в новом месте, среди новых лиц, тень прошлого может неожиданно напомнить о себе. Даже в самом безобидном предмете.

Его взгляд скользнул к её шее, где угадывалась цепочка. Элоиза сделала шаг назад, к резной балюстраде балкона, будто ища опоры. Ночной ветерок, пронизывающий жар зала, был холодным, как прикосновение могилы.

– Я стараюсь не думать о прошлом, месье. Мой кузен говорит, что нужно смотреть в будущее.

– Ваш кузен – виконт де Флерьяк – человек известный своей... легкомысленностью, – произнёс Леруа с притворной снисходительностью. – Но иногда прошлое цепляется за нас. Например, семейные реликвии. Я слышал, у вас есть миниатюра... портрет вашего отца? Очень трогательно.

Сердце Элоизы заколотилось так громко, что ей показалось, будто его стук слышно поверх музыки. Он знал. Или догадывался. Она вспомнила инструкцию графа: дать повод, но не слишком очевидный. Сделать вид, что пытаешься скрыть, – лучший способ показать.

– Я... я не ношу его при посторонних, – сказала она, снова касаясь шеи защитным жестом. – Это слишком личное.

И в этот момент, будто неловко споткнувшись о складку ковра, она сделала резкое движение. Застёжка медальона расстегнулась, и он выскользнул из-под кружев, упав на паркет с тихим, звенящим стуком. Миниатюрный портрет молодого Армана де Валькура в синем мундире лежал между ними, освещённый светом канделябров.

Элоиза ахнула, прикрыв рот рукой в перчатке, и мгновенно опустилась на колени, чтобы поднять его. Но Леруа был быстрее. Его толстая, украшенная перстнями рука опередила её. Он поднял медальон, и несколько секунд смотрел на портрет, а его лицо стало похоже на маску: жирные щёки обвисли, маленькие глаза сузились до щелочек, в которых вспыхнуло нечто неуловимое – триумф, смешанный с яростью.

– Прекрасная работа, – пробормотал он, не отрывая взгляда от миниатюры. – Удивительное сходство... с одним моим старым знакомым. Очень старым.

Он протянул медальон обратно, но его пальцы сжали его на мгновение дольше необходимого. Элоиза почувствовала, как её тошнит от этого прикосновения. Она взяла реликвию, прижала к груди.

– Благодарю, месье. Вы очень добры.

– Доброта – роскошь, которую я редко могу себе позволить, мадемуазель, – его голос стал тише, но приобрёл металлический оттенок. – Но я ценю... сентиментальность. Особенно когда она искренна. Надеюсь, вы найдёте утешение в нашем городе. Где вы остановились? Возможно, я мог бы навестить вас, предложить свою помощь в устройстве дел.

Это был прямой вопрос. Ловушка захлопывалась.

– Я польщена, месье, но я под опекой кузена. Мы гостим в отеле де Сен-Клу, – солгала она, называя фальшивый адрес, который ей дал Габриэль.

Леруа кивнул, и в его глазах мелькнуло удовлетворение. Он получил то, что хотел: подтверждение и направление.

– Тогда не смею больше задерживать. Приятного вечера, мадемуазель д'Обервиль. И будьте осторожны. Парижские улицы по ночам... опасны для одиноких девушек, даже под защитой ронди.

Он отклонился в небрежном поклоне и растворился в толпе, его лиловый камзол мелькнул ещё раз среди кружев и парчи, прежде чем исчезнуть.

Элоиза прислонилась к колонне, чувствуя, как дрожь охватывает её с головы до ног. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и леденящий страх. Она сделала это. Она клонула наживку. Теперь акула пойдёт по следу.

– Bravo, кузина, – тихий голос Габриэля прозвучал у неё за спиной. Он незаметно подошёл, предлагая руку. – Вы сыграли как настоящая прима «Комеди Франсез». Он купился. Я видел, как он тут же сделал знак одному из своих гнусных прихвостней. Через час у отеля де Сен-Клу будет установлена круглосуточная слежка.

– А что, если он проверит? Узнает, что там никто не живёт?

– Он узнает, что там живёт престарелая графиня д'Эврё, моя троюродная тётка, страдающая глухотой и нелюдимостью. Она получила щедрое пожертвование за то, чтобы не замечать суеты у своих ворот. Всё предусмотрено, моя дорогая. Теперь мы ведём его за собой.

Он провёл её обратно в бальный зал, где вихрь музыки и смеха казался теперь зловещим карнавалом. Элоиза едва могла поддерживать светскую беседу. Её мысли были там, в тёмных переулках Парижа, где тени Леруа начинали своё движение.

На следующий день в отеле Сансарила напряжённая тишина. Граф де Сен-Жермен, получив донесение от своих людей, был доволен. Леруа, как и предсказывалось, бросил значительные силы на наблюдение за фальшивым адресом. Но что более важно – его личный секре-

тарь, человек по имени Бушар, после полуночи тайно отправился не домой, а в район Ле-Аль, к неприметному дому с зелёной дверью.

– Его личный архив, – заключил граф, разглядывая карту, разложенную перед ним. Габриэль и Элоиза стояли по другую сторону стола. – Он никогда не хранит всё в одном месте. Основные бумаги – в особняке на улице Сент-Оноре, но там только то, что может предъявить проверке. А настоящие сокровища, оригиналы контрактов, расписки, списки подставных лиц – там, куда поехал Бушар. Нам нужно попасть внутрь.

– Штурмом? – усмехнулся Габриэль. – Я не против небольшого приключения.

– Слишком шумно. И там наверняка есть охрана. Нужен ключ. И не только металлический. Нужен человек, который знает расположение ловушек и тайников. Бушара нужно взять живём и... уговорить.

Элоиза слушала, и план, холодный и расчётливый, вызывал у неё отвращение. Но она понимала его необходимость. Бушар был тем самым мелким паучком, который плел паутину по чертежам Леруа.

– Когда? – спросила она.

– Сегодня ночью, – сказал граф. – Бушар каждую среду проводит вечер в одном... специфическом заведении на улице Муфтар. Он человек привычек. Оттуда его будет легко изолировать. Виконт, вам и Никите это по силам.

– С удовольствием, – Габриэль щёлкнул шпагой в ножнах.

– А я? – Элоиза не смогла сдержаться.

Сен-Жермен посмотрел на неё, его взгляд был оценивающим.

– Вы будете ждать здесь. Это не дело для женщины.

– Это дело именно для меня! – вспыхнула она. – Это мой отец, его честь! Я не хочу просто ждать в этой позолоченной клетке, пока другие рискуют!

Между ними повисло напряжённое молчание. Габриэль с интересом наблюдал за сценой.

– Риск – понятие растяжимое, – наконец произнёс граф. – Ваше присутствие на улице Муфтар будет лишней переменной, которую я не могу контролировать. Но... – он сделал паузу. – Вы можете быть полезны на другом этапе. Когда Бушар будет здесь, в подвале. Женщина... иногда может вызвать больше страха, чем мужчина с щипцами. Вид юной, хрупкой девушки, знающей о его преступлениях всё, может сломать его быстрее. Вы готовы на это? Готовы смотреть в глаза человеку, которого будете пытаться страхом?

Элоиза почувствовала, как желудок сжимается в комок. Но она кивнула.

– Готова.

Ночь опустилась на Париж, густая и беспокойная. В доме с зелёной дверью в Ле-Але горел одинокий огонёк. Внутри, в комнате, заваленной кипами бумаг и свитков, сидел Бушар – тощий, сутулый человек в поношенном камзоле. Он вёл учёт, его перо скрипело по пергаменту. Внезапно он вздрогнул, услышав тихий скрип на лестнице. Неужели Леруа? В такой час?

– Кто тут? – крикнул он, вставая и хватаясь за тяжёлый пресс-папье.

Дверь бесшумно открылась. На пороге стояли две фигуры. Одна – высокая, мощная, с лицом, напоминающим высеченное из камня изваяние (Никита). Другая – элегантная, улыбающаяся, со шпагой на боку (Габриэль).

– Добрый вечер, мсье Бушар, – произнёс виконт, делая шаг вперёд. – Мы пришли обсудить ваши бухгалтерские записи. Без свидетелей.

Бушар отпрянул, его глаза расширились от ужаса. Он рванулся к потайной задвижке в стене, но Никита двигался с пугающей скоростью. Железная хватка обхватила его горло, заглушив крик. Через несколько минут, связанного и с кляпом во рту, его вынесли через чёрный ход и бросили в ожидающую карету с глухими стенами.

В подвале отеля Санс, в комнате, освещённой лишь парой факелов, Элоиза ждала. Она стояла неподвижно, в том же тёмном платье служанки, руки сжаты за спиной. Граф де Сен-

Жермен сидел в тени, наблюдая. Когда привели Бушара, тот был бледен как полотно, его трясло.

– Мсье Бушар, – голос графа прозвучал мягко, но в каменном подвале он отозвался ледяным эхом. – Вы знаете, кто я?

Бушар, с кляпом, вынутым изо рта, смог лишь кивнуть, с ужасом глядя на своего похитителя.

– И вы знаете, кто эта девушка? – граф кивнул в сторону Элоизы.

Бушар перевёл на неё взгляд. Сначала в его глазах было лишь недоумение, затем медленное, леденящее узнавание. Он видел её миниатюру, которую Леруа приказал размножить и разослать всем сыщикам. Дочь Валькура. Призрак, который должен был быть мёртв.

– Она жива, – прошептал он. – Он... он говорил, что вы погибли в огне.

– Ложь, как и всё, что исходит от вашего хозяина, – сказала Элоиза. Её голос, к её собственному удивлению, звучал ровно и холодно. Она подошла ближе. – Вы вели учёт. Вы знаете каждую украденную ливру, каждое подделанное имя. Вы знаете, куда ушло золото, которое обрело моего отца.

– Я... я ничего не знаю! Я просто исполнял приказы! – залепетал Бушар.

– Приказы, которые записаны здесь, – Сен-Жермен положил на стол перед пленником несколько листов – копии страниц из тетради Валькура с пометками Бушара. – Ваш почерк, мсье. Уникальный. Королевский суд найдёт его весьма интересным.

Бушар затрясся сильнее. Предательство Леруа означало смерть. Но улики в руках графа – смерть мучительную и позорную.

– Что вы хотите? – выдавил он.

– Доступ. К архиву в доме с зелёной дверью. Полный перечень документов, оригиналы контрактов с иностранными банками, списки курьеров. И, что самое главное, – имя того, кто стоит над Леруа. Того, кому уходила львиная доля. В дневнике моего отца есть инициал «С.Ф.». Кто это?

На лице Бушара появилась гримаса животного страха, даже большего, чем перед графом.

– Вы не понимаете... Этого человека... тронуть нельзя. Даже его сиятельство...

– Его сиятельство сейчас предлагает вам выбор, – перебила Элоиза. Она наклонилась к нему, и в её глазах горел тот самый огонь, который видел граф в первую их встречу – огонь ненависти и решимости. – Либо вы даёте нам всё, что мы хотим, и исчезаете с новым именем и полным кошельком в какой-нибудь далёкой стране. Либо вы остаётесь здесь, и завтра утром Леруа получит ваше тело с признанием во всех грехах, написанным... вашей же рукой. Как думаете, что он сделает с вашей семьёй тогда?

Это был удар ниже пояса, и он достиг цели. Бушар сломался. Слёзы потекли по его щекам. Он закивал.

– Хорошо... хорошо. Я всё покажу. Только... пощадите моих детей.

Габриэль, стоявший у двери, усмехнулся.

– Как сентиментально. – Он подошёл и похлопал сломленного секретаря по плечу. – Дети – цветы жизни. Пока вы ведёте себя как садовник, а не как сорняк, они в безопасности.

Бушар, всхлипывая, начал бормотать инструкции: расположение ловушек – натянутые у двери тонкие проволоочки, соединённые с колокольчиками в соседней комнате; потайная задвижка в камине, открывающая нишу с наиболее важными бумагами; сложный механизм замка на зелёной двери, требующий одновременного нажатия на две резные розетки.

Граф де Сен-Жермен слушал, не проронив ни слова, лишь его пальцы время от времени отстукивали ритм по ручке кресла. Когда Бушар закончил, в подвале повисла тягостная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов.

– И последнее, – голос графа прозвучал тихо, но с неумолимой чёткостью. – Инициалы «С.Ф.». Кто это?

Бушар замер, его глаза снова забегали. Казалось, сам воздух в подвале стал гуще от этого молчания.

– Я... я не могу. Если я скажу, он узнает. Он узнает по тому, какие бумаги пропадут. Он везде имеет уши.

– Он уже знает, что мы ищем, – парировала Элоиза, всё ещё стоя над ним. – После сегодняшней ночи Леруа поймёт, что его архив скомпрометирован. Ваш выбор – на чьей стороне вы хотите оказаться, когда начнётся буря. На стороне того, кто сметёт вас как щепку, или на нашей?

– Это не просто человек, – прошептал Бушар, и в его шёпоте слышался суеверный ужас. – Это сила. Влияние. Он вхож в самые высокие кабинеты Версаля. Его кошелек толще, чем у половины банкиров Женевы. Леруа для него – всего лишь приказчик, пусть и главный. Его имя... – Он замолчал, сглотнув. – Его имя – Шарль-Филипп де Саленж, герцог де Фронтенак.

Габриэль присвистнул сквозь зубы. Даже непроницаемое лицо графа де Сен-Жермена выразило лёгкое удивление, быстро сменившееся пониманием.

– Герцог де Фронтенак, – повторил Сен-Жермен. – Член Тайного совета, покровитель искусств, известный филантроп. Очень остроумно. Прятать ворованные миллионы за фасадом благотворительности.

– Он не просто прячет, – Бушар, раз начав, уже не мог остановиться, словно поток признаний облегчал его ужас. – Он их приумножает. Схема... она гениальна. Деньги из казны на «общественные работы» – дороги, каналы – уходили подрядчикам, которые были его подставными лицами. Затем эти же подрядчики «жертвовали» огромные суммы в его благотворительные фонды. Фонды инвестировали в заморскую торговлю, приносившую бешеные прибыли. Чистые деньги возвращались в его карман. А ваш отец, мадемуазель, – он взглянул на Элоизу, – обнаружил нестыковку в отчётах по строительству порта в Шербуре. Он начал задавать вопросы... и стал угрозой.

Элоиза сжала кулаки так, что ногти впились в ладони даже сквозь ткань перчаток. Теперь у зверя было имя и титул. И этот зверь обитал не в тёмных трущобах, а в самом сердце версальского сияния.

– Всё это будет записано вами собственноручно, – приказал граф, кивая Никите, который принёс чернила, перо и чистый лист бумаги. – Подробное признание, с датами, суммами, именами. Затем вы проведёте нас в архив и покажете оригиналы. После чего вы исчезнете.

Работа заняла несколько часов. Бушар, под надзором Никиты, исписал лист за листом. Элоиза не могла больше находиться в душном подвале с запахом страха и воска. Она поднялась в свою комнату, но сон не шёл. Она стояла у окна, глядя на спящий, окутанный предрассветной мглой Париж. Город, который должен был стать её новой жизнью, оказался гигантским полем боя, где сражались тени.

На рассвете маленький отряд двинулся к Ле-Алю. В старой, невзрачной карете ехали Габриэль, Никита и связанный Бушар. Элоиза, переодетая в простую горожанку с корзинкой в руках, шла на некотором расстоянии, выполняя роль наблюдателя. Граф де Сен-Жермен остался в отеле, координируя действия своих людей, которые должны были блокировать район.

Улицы были пустынные. Зелёная дверь выглядела безобидно. Следуя указаниям Бушара, Габриэль и Никита обезвредили ловушки и, с помощью его ключа и манипуляций с розетками, бесшумно вошли внутрь. Элоиза, притаившись в арке напротив, замерла, прислушиваясь к каждому шороху.

Прошло пятнадцать минут, показавшихся вечностью. Наконец, в дверном проёме показалась мощная фигура Никиты с объёмистым холщовым мешком за спиной. Габриэль шёл следом, подталкивая перед собой бледного, но уже не связанного Бушара. По плану, секретаря должны были отпустить на ближайшей оживлённой улице, дав ему мешочек с золотом и фальшивые бумаги.

Но в тот момент, когда они ступили на мостовую, из соседнего переулочка выехала закрытая карета без гербов. Её дверца распахнулась, и оттуда высыпало четверо крепких мужчин в поношенных, но добротных плащах, с короткими шпагами и пистолетами в руках. Это не были городские стражники. Это были профессионалы.

– Ко мне! – крикнул Габриэль, отшвыривая Бушара за спину и выхватывая шпагу.

Никита метнул мешок с документами в сторону арки, к Элоизе, и обнажил свою тяжелую кавалерийскую саблю. Завязалась молчаливая, яростная схватка. Звон стали разорвал утреннюю тишину. Габриэль, легкий и быстрый, парировал выпад одного наемника и ответным уколом в плечо вывел его из строя. Никита действовал грубой силой, его сабля сбила с рук пистолет другого и заставила отступить.

Но их было двое против четверых. Один из нападавших, увидев мешок у ног Элоизы, рванулся к ней. Не думая, она схватила из корзины тяжелую стеклянную бутылку с уксусом (по совету графа – простое, но эффективное оружие) и со всей силы швырнула ему в лицо. Человек вскрикнул, потеряв ориентацию.

В этот момент Бушар, которого все забыли, увидел свой шанс. Вместо того чтобы бежать, он с диким воплем бросился к карете нападавших.

– Помогите! Они похитили меня! У них бумаги Леруа!

Дверца кареты снова приоткрылась. Из полумрака на Бушара упал луч света, и Элоиза увидела, как на пороге показалась рука в темной перчатке, сжимающая небольшой изящный пистолет. Раздался резкий хлопок. Бушар остановился как вкопанный, на его жилетке появилось маленькое алое пятно, быстро расплывшееся. Он упал на камни, беззвучно ахнув.

Стрелок оставался в тени кареты, но Элоиза на мгновение встретила с его взглядом. Холодным, оценивающим, лишенным всякой эмоции. Это был не Леруа. Это был кто-то другой.

– Забирайте документы и уходите! – скомандовал невидимый хозяин кареты густым, низким голосом.

Наемники, прикрываясь, попытались схватить мешок. Но Никита, разъяренный, бросился вперед, отсекая их. Габриэль, воспользовавшись моментом, схватил Элоизу за руку и рванул в глубь арки, в лабиринт переулочков.

– Бежим! Документы!

Никита, одним последним мощным взмахом отбросив противника, подхватил мешок и побежал следом. За ними раздались выстрелы, но пули ударили в камни мостовой. Карета с незнакомцем, поняв, что время упущено, резко тронулась с места и скрылась в противоположном конце улицы.

Они бежали, не разбирая дороги, пока не выбежали к Сене, где их уже ждала лодка с человеком графа. Только когда они отчалили, и вода застучала по борту, Элоиза смогла перевести дух. Её руки тряслись, сердце бешено колотилось.

– Кто это был? – выдохнула она. – Это не Леруа.

– Нет, – мрачно согласился Габриэль, вытирая клинок. – Леруа послал бы целый отряд и устроил бойню. Это был кто-то, кто хотел действовать тихо и быстро. Кто-то, кто следил не только за нами, но и за самим Леруа. Или за Бушаром.

– Герцог, – прошептала Элоиза. – Он узнал, что Бушар в опасности, и послал своих людей его ликвидировать. Чтобы замкнуть цепь.

Никита молча развязал мешок. Внутри лежали пачки документов, перевязанные лентами. Он достал одну из них. Это была расписка на астрономическую сумму, выданная королевским казначеем некоему «Обществу развития торговли Новой Франции». Внизу, под витиеватыми подписями подставных лиц, стояла едва заметная, но узнаваемая пометка: маленькая стилизованная лилия – личный знак герцога де Фронтенака.

Они добыли доказательства. Но цена оказалась высока. И теперь они знали, что против них играет не только алчный финансист, но и один из самых могущественных людей королевства, который уже сделал свой первый ход, без колебаний убрав своего же сообщника.

Лодка причалила к частному причалу у отеля Санс. Граф де Сен-Жермен ждал их на берегу. Выслушав сжатый доклад, он не выразил ни удивления, ни страха.

– Фронтенак, – произнёс он задумчиво. – Это меняет расклад, но не цель. Теперь у нас есть не только крючок для Леруа, но и меч, занесённый над герцогом. Однако, – его взгляд стал острым, как лезвие, – если герцог уже активизировался, значит, он знает о нашем интересе. Отель Сансарила больше не безопасен. Нас могут атаковать здесь в любой момент.

Элоиза почувствовала, как холодная волна страха накатила на неё снова. Они выиграли битву за документы, но объявили войну гиганту.

– Что мы будем делать? – спросила она.

– Мы разделимся, – решил граф. – Виконт, вы и Никита отвезёте мадемуазель в надежное место, о котором знаю только я. Я останусь здесь, чтобы создать видимость, что мы все ещё в отеле, и подготовить несколько сюрпризов для незваных гостей. Завтра начнётся новый этап игры. Мы обнародовать документы не можем – герцог объявит их фальшивкой, а нас – клеветниками. Нужно заставить его самого совершить ошибку. И для этого нам понадобится попасть туда, куда даже у меня нет доступа.

– В Версаль? – догадался Габриэль.

– На бал, который герцог дает через три дня в честь дня рождения своей супруги. Туда будет приглашен весь свет, включая Леруа. Это идеальное место, чтобы столкнуть наших пауков в одной банке и заставить их показать клыки. Но для этого, – он посмотрел на Элоизу, – мадемуазель д’Обервиль должна перестать быть беглянкой. Она должна предстать в новом качестве, в котором её не посмеет тронуть даже герцог.

– В каком? – спросила Элоиза, чувствуя, как судьба снова готовит для неё крутой поворот.

Граф де Сен-Жермен позволил себе легкую, почти невидимую улыбку.

– В качестве моей дальней родственницы, только что прибывшей из Австрии, наследницы небольшого, но древнего рода, представленной ко двору лично мной. Герцог де Фронтенак, при всей своей мощи, не станет открыто конфликтовать с человеком, чьи связи простираются дальше, чем он может себе представить. По крайней мере, не на глазах у всего Версаля.

План был блестящим и безумно опасным. Идти в логово льва, притворяясь овечкой. Элоиза кивнула, понимая, что другого выхода нет.

Через час она, Габриэль и Никита тайно покинули отель Сансарила в простой повозке, направляясь в неизвестное убежище. Элоиза, глядя на удаляющиеся огни отеля, думала о том, что оставляет позади не только возможную опасность, но и последние следы своей прежней, простой жизни. Впереди был Версаль – дворец лжи и интриг, где ей предстояло сыграть свою самую опасную роль.

А в это время в своём роскошном кабинете в особняке на улице Сент-Оноре Жан-Батист Леруа в ярости разбил дорогой севрский фарфор о камин. Его люди только что сообщили о провале у зелёной двери, о смерти Бушара и о пропаже ключевых документов. Но ещё больше его бесило другое донесение, пришедшее от его собственного шпиона в отеле Сансарила: граф де Сен-Жермен, похоже, готовится к отъезду, а его загадочная протеже исчезла.

– Найти её! – прошипел он, обращаясь к тени в углу комнаты. – Я хочу знать, куда они её прячут. И приготовьте всё к балу у Фронтенака. Если она появится там... – Он не договорил, но в его бусинках-глазах вспыхнул немой приказ, понятный без слов.

Тень поклонилась и растворилась.

В убежище – уютном, но строго охраняемом доме в тихом парижском предместье Сен-Жермен – царила напряженная тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем напольных часов в гостиной. Элоиза стояла у окна, затянутого плотной штофной портьерой, и машинально наблюдала, как садовник подрезает розы. Казалось невероятным, что за этими стенами, в мире яблонового цвета и запаха свежескошенной травы, за ней охотились могущественные враги.

– Вам не следовало бы подходить так близко к окну, мадемуазель, – раздался за её спиной спокойный голос Габриэля.

Она обернулась. Виконт де Флерьяк, сбросивший дорожный плащ, выглядел утомленным, но его глаза, как всегда, были настороженно-бдительными. Он изучал план этажа, разложенный на столе.

– Вы думаете, они могут найти нас здесь? – спросила Элоиза, отходя вглубь комнаты.

– Граф считает это место абсолютно безопасным. Его приобрела на подставное имя одна весьма эксцентричная английская леди лет двадцать назад. Никакой связи с ним или его окружением. Но с герцогом де Фронтенаком... – Габриэль сделал многозначительную паузу. – С ним нельзя быть уверенным ни в чём. Его шупальца длинны.

Никита, молча сидевший в углу и точивший свой кинжал, лишь хмыкнул в знак согласия. Его массивная фигура казалась инородной в этой изящной гостиной в пастельных тонах.

Дверь открылась, и вошла пожилая женщина с лицом, похожим на высохшее зимнее яблоко, но с умными, проницательными глазами.

– Мадемуазель, виконт, – сказала она без предисловий. – Прибыл портниха. Граф распорядился, чтобы всё было готово к завтрашнему вечеру.

Элоизу охватила странная смесь волнения и трепета. Завтра она должна была превратиться в другую женщину – графиню Элеонору фон Лихтенштейн, дальнюю родственницу Сен-Жермена из Австрии. Её будущее, месть за отца, сама жизнь зависели от того, насколько убедительной окажется эта маска.

Следующие часы прошли в суматохе примерок. Портниха, мадам Буше, была немногословна и невероятно быстра. Её ловкие пальцы щипали ткань, отмечали мелом, прикалывали булавками. Платье для бала – из тяжелого атласа цвета слоновой кости, расшитое серебряными нитями и мельчайшим бисером, – уже обретало форму. Но помимо него, нужен был целый гардероб светской дамы: утренние туалеты, прогулочные платья, роскошное *négligé* для приватных приёмов.

– Вам придется носить корсет туже, мадемуазель, – сухо заметила мадам Буше, затягивая шнуровку. – Осанка у вас хорошая, но манера держать спину выдает не аристократку, а девушку, привыкшую к долгой верховой езде и простору полей.

Элоиза покраснела, но кивнула. Каждая деталь имела значение. Её учили ходить мелкими, скользящими шагами, держать руки, слегка согнув в локтях, особым образом наклонять голову. Габриэль взял на себя уроки светского общения: кто есть кто при дворе, какие темы под запретом, как отвечать на колкости, сохраняя ледяную вежливость.

– Герцог де Фронтенак, – говорил виконт, расхаживая по комнате, – обожает демонстрировать свою просвещенность. Он может заговорить о последней пьесе Бомарше или о новых открытиях в физике. Соглашайтесь, но не слишком восторженно. Создайте впечатление, что вы всё это уже слышали в венских салонах.

– А его жена? – спросила Элоиза.

– Герцогиня Клодин – тень своего мужа. Тихая, набожная, больше всего на свете боится скандала. Она ваш идеальный союзник, если вам удастся вызвать её симпатию. Но будьте осторожны: её благочестие часто служит ширмой для весьма точных наблюдений.

К вечеру Элоиза чувствовала себя совершенно разбитой. Её голова гудела от имён, титулов, правил. Она удалилась в свою комнату – скромную, но комфортабельную – и снова взяла в руки тетрадь отца. Шершавые страницы, его твёрдый, уверенный почерк... Это была её един-

ственная связь с прошлым, источник боли и силы одновременно. Она перечитала запись о порте в Шербуре, ту самую, что стояла маркизу де Валькуру жизни. Цифры, суммы, странные пометки на полях. Внезапно её взгляд упал на фразу, которую она раньше не замечала, записанную мелко и как бы между делом: «Встреча с С.Ф. в „Голубой лилии“». Настаивает на участии третьей стороны. Говорит о „кораблях, которые привозят не только сахар“».

«Голубая лилия». Это мог быть постоянный двор, таверна, бордель. А «третья сторона» и «корабли»... Элоиза почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Её отец был на пороге разгадки чего-то большего, чем просто хищения. Что-то, связанное с морской торговлей, с колониями. И герцог де Фронтенак, покровитель торговых компаний, был в самом центре этой паутины.

Её размышления прервал тихий стук в дверь. На пороге стоял Габриэль.

– Вам стоит отдохнуть, – мягко сказал он. – Завтра будет тяжёлый день. Граф прислал сообщение.

Он протянул ей маленький, плотно свернутый клочок бумаги. Почерк Сен-Жермена был изящным и четким: «Завтра в шесть вечера карета доставит вас ко мне. Будьте готовы. Наш друг из Версаля сообщает, что Леруа в ярости и подозревает манёвр. Будьте начеку. Ваша легенда безупречна, но помните: самая опасная ловушка – та, которую ты готовишь для себя сам, поверив в собственную ложь. – С.Ж.»

Элоиза сожгла записку в пламени свечи, как её учили. Перед сном она долго смотрела на платье, висевшее на ширме. Оно казалось призрачным, нереальным. Завтра она наденет эту броню из атласа и лжи и пойдет на войну. Закрыв глаза, она пыталась представить лицо герцога. Но вместо него перед ней возникало другое – холодный, безэмоциональный взгляд человека из кареты, того, кто без колебаний убил Бушара. Кто он? Наемник Фронтенака? Или нечто большее?

На следующий день, ровно в шесть, у бокового входа в дом остановилась карета. Не роскошная, но очень достойная, с темными, непроницаемыми шторками. Кучера и лакея Элоиза не видела – их лица скрывали высокие воротники ливрей.

Прощание с Габриэлем было коротким.

– Никита и я будем рядом, – сказал виконт, с необычной серьёзностью глядя ей в глаза. – Мы войдём в составе свиты графа как его доверенные лица. Если что-то пойдёт не так... – Он не договорил, но положил ей в руку маленький изящный веер. – Нажмите на эту жемчужину. Он полый, внутри – сильнодействующий нюхательный порошок. Может вывести из строя того, кто окажется слишком близко.

Элоиза кивнула, сунув веер в складки своей новой сумочки. Она чувствовала себя марионеткой, которую везут на сцену.

Дорога до версальского предместья, где располагался особняк графа де Сен-Жермена, заняла около часа. Когда карета остановилась, и дверцу открыл тот же безликий лакей, Элоиза увидела не дворец, а элегантный загородный дом в итальянском стиле, утопающий в зелени.

В холле её встретил сам граф. Он был одет с подчеркнутой, почти театральной элегантностью: камзол из тёмно-синего бархата, вышитый причудливыми серебряными узорами, кружевное жабо невероятной тонкости.

– Дорогая кузина, – произнёс он громко, с лёгким акцентом, которого Элоиза раньше у него не замечала. – Наконец-то вы в Париже! Путешествие из Вены, должно быть, изнурило вас.

Он взял её руку и с почтительным, но родственным поклоном поднёс к губам. Его пальцы на мгновение сжали её ладонь – жест ободрения. Затем, понизив голос, уже своим обычным тоном, добавил:

– Всё готово. Через час мы выезжаем. Запомните: вы немного устали от дороги, слегка меланхоличны, но очарованы французским гостеприимством. Вы потеряли родителей в юно-

сти и находитесь под моим покровительством. О Нормандии и маркизе де Валькуре – ни слова. Ни единого намёка.

Он провёл её в будуар, где ждала горничная, чтобы поправить её туалет и причёску. Когда Элоиза взглянула в большое зеркало, она едва узнала себя. Сложная причёска с искусно уложенными локонами, лицо, слегка поддурмяненное, чтобы скрыть бледность, губы, подкрашенные кармином. И платье... Оно сидело на ней безупречно, подчёркивая тонкую талию и линию плеч, а серебряная вышивка мерцала при каждом движении, как лунная дорожка на воде.

– Вы выглядите превосходно, мадемуазель, – констатировал граф, появившись в дверях. – Теперь последний штрих.

Он открыл небольшую шкатулку из чёрного дерева. В ней на бархате лежало ожерелье – сапфиры холодного, глубокого голубого цвета, обрамленные бриллиантами. Камни были старинные, огранённые так, что ловили малейший проблеск света.

– Семейная реликвия. Вполне подходит для вашей роли. И, – он сделал паузу, – каждый сапфир полый. В одном – как вы уже догадались – нюхательная соль. В другом – вещество, оставляющее на коже несмываемую метку, если раздавить камень. Третий... пусть останется сюрпризом на крайний случай.

С тяжестью холодных камней на шее Элоиза почувствовала себя окончательно закованной в доспехи своей новой жизни.

Дорога до Версаля была похожа на въезд в оперную декорацию. По мере приближения к дворцу поток экипажей становился всё гуще. Золочёные кареты, запряжённые породистыми лошадьми, гербы на дверцах, крики фореиторов, смешанные запахи дорогих духов, конского пота и пыли. Сердце Элоизы бешено колотилось. Она видела Версаль впервые – гигантский, ослепительный, подавляющий своим масштабом и блеском. Огни в бесчисленных окнах отражались в водах Большого канала, словно рассыпанные драгоценности.

Их карета медленно продвигалась к парадному подъезду Оперы, где должен был проходить бал. Наконец, дверца распахнулась. Граф де Сен-Жермен вышел первым, затем, с изящным движением, подал руку Элоизе.

Шум, свет, многоголосие обрушились на неё. Она ступила на красную ковровую дорожку, ведущую в сияющее чрево дворца. Ряды слуг в ливреях, гвардейцы в парадной форме, гул сотен голосов, смех, звон хрусталя, торжественные аккорды оркестра, доносящиеся изнутри. И запах – цветов, воска, пудры, тепла человеческих тел в тяжёлых парчовых одеждах.

Они поднимались по лестнице, и Элоиза чувствовала на себе взгляды. Любопытные, оценивающие, завистливые. Шёпоток пробежал по толпе: «Кто это? Новая фаворитка Сен-Жермена?» – «Говорят, его родственница из Австрии...»

Граф, непринуждённо кивая знакомым, вёл её дальше, в бальный зал. И тут Элоиза увидела его. В дальнем конце зала, окружённый свитой придворных, стоял герцог де Фронтенак. Высокий, статный мужчина лет пятидесяти, с умным, аскетичным лицом, одетый с подчёркнутой, но строгой роскошью. Его глаза, серые и холодные, как зимнее небо, медленно скользили по залу. И на мгновение они остановились на ней.

Элоиза замерла. Казалось, время остановилось. Этот взгляд был лишён любопытства. Он был аналитическим, пронизывающим, словно герцог пытался разглядеть что-то под её маской. Затем он слегка кивнул в сторону графа де Сен-Жермена, едва заметная улыбка тронула его губы, и он отвернулся, чтобы принять очередной низкий поклон.

– Он вас заметил, – тихо произнёс Сен-Жермен, не меняя выражения лица. – И, кажется, заинтересовался. Идеально. Теперь следуйте за мной. Пора представить вас обществу.

Но прежде чем они сделали и шага, к ним подошёл другой человек. Невысокий, полный, с лицом, напоминающим луну, и маленькими, блестящими, как бусинки, глазами. Он был щедро напудрен, одет в небесно-голубой камзол, усыпанный стразами, и источал запах дорогого табака и циветты.

– Дорогой граф! – воскликнул он сильным голосом. – Какая неожиданная радость видеть вас! И в таком прекрасном обществе!

Жан-Батист Леруа. Элоиза узнала его по описаниям Габриэля. Её кровь застыла в жилах. Финансист смотрел на неё с преувеличенным восхищением, но в глубине его глаз плескалась холодная, хищная зоркость.

– Месье Леруа, – ответил Сен-Жермен с лёгкой, почти презрительной вежливостью. – Вы, как всегда, оказываетесь в самом центре прекрасного общества. Позвольте представить вам мою кузину, графиню Элеонору фон Лихтенштейн. Она только что прибыла из Вены.

Леруа схватил руку Элоизы с такой жадностью, что его пухлые губы едва не коснулись её костяшек. Она почувствовала холодную влажность его кожи и с трудом подавила содрогание.

– Очарована, – прошептала она, опуская глаза, как учил Габриэль. – Версаль превосходит все мои ожидания.

– А вы, графиня, превосходите все ожидания Версаля, – парировал Леруа, не выпуская её руки. Его взгляд, быстрый и цепкий, как у крысы, скользнул по её ожерелью, оценивая стоимость сапфиров, затем по лицу, выискивая фальшь. – Ваше путешествие прошло благополучно? Нынче дороги такие небезопасные... Особенно из портовых городов. Нормандия, например, просто кишит разным сбродом.

Элоиза почувствовала, как сапфиры на её шее стали ледяными. Она подняла на финансиста ясный, чуть отстранённый взгляд.

– Я ехала через Эльзас и Шампань, месье. Виды были восхитительны. А о Нормандии мне, к сожалению, ничего не известно.

– Какая жалость, – протянул Леруа, и в его голосе зазвучала игривая угроза. – Там происходят такие... интересные события. Но вы правы, зачем прекрасной даме забивать голову скучными провинциальными дразгами. Граф, – он повернулся к Сен-Жермену, – я слышал, вы интересуетесь старинными манускриптами. У меня как раз появился один, весьма любопытный. Из библиотеки некоего маркиза де Валькура. Может, заглянете на днях, обсудим?

Это была ловушка, поставленная с циничной прямоотой. Сен-Жермен лишь приподнял бровь.

– Возможно. Если у меня найдется свободная минута. А теперь вы уж извините, мне необходимо представить кузину герцогине де Полиньяк.

Он увёл Элоизу прочь, оставив Леруа с кислой улыбкой на пухлом лице.

– Он знает, – выдохнула Элоиза, когда они смешались с толпой.

– Он подозревает, – поправил её граф тихо. – И проверяет почву. Манускрипт – приманка. Но это хорошо. Значит, он нервничает. А нервный враг совершает ошибки.

Они пробирались сквозь море шёлка, бархата и кружев. Сен-Жермен раскланивался, обменивался светскими пустяками, представлял Элоизу как дальнюю родственницу. Она улыбалась, кивала, чувствуя, как маска графини постепенно прирастает к её лицу. Но её сознание лихорадочно работало. Запись в тетради отца: «Голубая лилия». Леруа намекал на порт. Всё сходилось в одну точку – герцога де Фронтенака.

И вот они стояли перед ним. Герцог беседовал с группой придворных, но его холодные серые глаза сразу нашли Элоизу. Он сделал едва заметный жест, и его свита отступила.

– Граф де Сен-Жермен, – произнёс Фронтенак голосом, в котором сквозила власть, приглушённая светской мягкостью. – Как я рад вас видеть. И это, должно быть, та самая графиня фон Лихтенштейн, о чьём прибытии ходят слухи.

– Ваша светлость, – сделала реверанс Элоиза, чувствуя, как под его взглядом обнажается каждая клеточка её тела.

– Австрийский воздух, видимо, способствует такой изысканной красоте, – заметил герцог, изучая её. – Хотя в ваших глазах, графиня, я вижу не меланхолию наших венских друзей, а скорее... бдительность. Как у человека, пережившего невзгоды.

– Я потеряла родителей рано, – тихо ответила Элоиза, вспоминая легенду. – Это учит ценить тишину и наблюдать.

Фронтенак улыбнулся, и в этой улыбке не было тепла.

– Мудро. Очень мудро. Надеюсь, граф хорошо заботится о вас? Его интересы так... разнообразны. От алхимии до дипломатии.

– Мой кузен – воплощение галантности, – сказала Элоиза, ловя предупреждающий взгляд Сен-Жермена.

– Не сомневаюсь, – герцог взял два бокала шампанского с подноса слуги и протянул один Элоизе. – Выпьем за новые знакомства, графиня. И за то, чтобы ваше пребывание во Франции было не только приятным, но и... плодотворным.

Они выпили. Взгляд Фронтенака задержался на сапфировом ожерелье.

– Великолепные камни. Старинная огранка. Напоминают мне те, что я видел в коллекции одного испанского гранда. Он тоже любил вкладывать в оправу не только красоту, но и... практический смысл.

Элоиза едва не поперхнулась. Он знал? Или просто испытывал?

– Красота – уже практический смысл, ваша светлость, – парировала она, заставляя себя улыбнуться. – Она обезоруживает.

– Или вооружает, – мягко закончил герцог. – Прошу прощения, меня ждут. Надеюсь, мы продолжим беседу в более уединённой обстановке. Граф, я слышал, вы организуете у себя музыкальный вечер на следующей неделе? Я буду счастлив посетить его, если, конечно, графиня согласится оказать мне честь своим обществом.

Он удалился, оставив после себя ощущение ледяного сквозняка.

– Он играет с нами, как кошка с мышкой, – прошептала Элоиза, когда герцог отошёл.

– Нет, – задумчиво произнёс Сен-Жермен. – Он изучает новую фигуру на шахматной доске. И, кажется, вы ему понравились. Это опаснее, чем если бы вы вызвали неприязнь.

Бал набирал обороты. Элоизу приглашали на танцы. Она кружилась в вальсе, отвечала на любезности, смеялась лёгким, фальшивым смешком. Её глаза искали в толпе Габриэля и Никиту. Она заметила виконта – тот был в ливрее лакея и с невозмутимым видом разносил вино. Их взгляды встретились на мгновение, и в его глазах она прочла предостережение: «Осторожнее».

Всё изменилось, когда оркестр заиграл менуэт. Её партнёром оказался молодой офицер королевских мушкетёров с честным, открытым лицом и живыми глазами.

– Графиня, вы, кажется, первая дама на балу, которая смотрит не на потолок с фресками, а на лица, – заметил он, ловко ведя её через фигуры танца.

– Лицы часто интереснее фресок, месье...?

– Капитан Анри де Латур, к вашим услугам. И позвольте заметить, в вашем взгляде есть тревога. Вы не боитесь, что вас сглазят?

Элоиза смутилась. Она слишком явно всматривалась в окружение Фронтенака.

– Я просто восхищаюсь нарядами, капитан.

– Лжёте, – мягко сказал он, улыбаясь так, что слова не звучали оскорблением. – Но не беспокойтесь, ваш секрет при мне. Только совет: будьте осторожнее с герцогом де Фронтенком. Его милость – как первый луч солнца на ледяной корке. Красиво, но под ней – холодная глубина.

Менуэт закончился. Латур поцеловал её руку.

– Если вам когда-нибудь понадобится помощь честного солдата... я часто несую службу в парке.

Он растворился в толпе. Элоиза осталась с странным чувством – будто в этой паутине лжи она наткнулась на что-то настоящее.

Ближе к полуночи Сен-Жермен нашёл её у одного из окон, выходящих в парк.

– Устали?

– Нет. Но чувствую, что тону в этом море шёлка и лжи.

– Привыкнете. А пока – наблюдайте. Видите ту группу у мраморной колонны?

Элоиза посмотрела. Рядом с Фронтенаком стоял невысокий, сутулый человек в скромном тёмном камзоле. Его лицо было невзрачным, но руки – большими, с узловатыми пальцами.

– Кто это?

– Пьер Леско, управляющий делами герцога. А по совместительству – его правая рука во всех тёмных делах. Если Фронтенак – мозг, то Леско – кулак. Обратите внимание, как он разговаривает с тем господином в зелёном.

Человек в зелёном плаще, с лицом, скрытым тенью капюшона, о чём-то оживлённо беседовал с Леско. Затем кивнул и быстро направился к выходу из зала.

– Идите за ним, – тихо приказал Сен-Жермен. – Тихо, незаметно. Узнайте, куда он направляется. Но будьте как тень. Если что-то пойдёт не так – используйте веер.

Сердце Элоизы заколотилось. Это был её первый настоящий вылазка. Она кивнула, сделала вид, что поправляет прядь волос, и плавно, будто направляясь к буфету, двинулась вслед за зелёным плащом.

Незнакомец вышел на террасу, спустился по ступеням в парк и зашагал по одной из тёмных аллей. Элоиза, подобрав юбки, последовала за ним, прижимаясь к стенам из стриженных кустов. Ночь была тёплой, полной ароматов цветов и далёкой музыки. Фонари освещали только центральные дорожки, аллея же тонула во мраке.

Впереди мелькнул зелёный плащ. Незнакомец свернул к небольшому павильону – «Храму Любви», стоявшему на берегу пруда. Элоиза притаилась за стволом платана. Из павильона доносились приглушённые голоса. Их было двое.

– ...корабль прибудет послезавтра, на рассвете, – говорил незнакомец. – Груз нужно разгрузить до того, как проснутся таможенники. Леско обеспечит пропуск.

– А «особый груз»? – спросил второй голос, хриплый и резкий.

– В отдельном трюме. Его перевезут в «Голубую лилию» до полудня. Герцог хочет лично убедиться.

Элоиза затаила дыхание. «Голубая лилия»! И корабль...

– А что с девочкой? – спросил хриплый голос. – Та, что с Сен-Жерменом?

– За ней присмотрят. Если она действительно та, за кого мы её принимаем... то очень скоро окажется там, где ей самое место. На дне Сены с камнем на шее.

Ледяная рука сжала сердце Элоизы. Она отшатнулась, и её туфля со скрипом наступила на сухую ветку.

Звук, словно выстрел, разорвал тишину.

Голоса в павильоне смолкли.

– Что это? – прошипел незнакомец.

Элоиза, не раздумывая, бросилась бежать обратно по аллее. За её спиной раздались тяжёлые шаги – один, потом двое. Они преследовали её.

Она бежала, спотыкаясь о корни, колючие ветки били её по лицу. Свет бала, музыка казались недостижимо далёкими. Позади уже слышалось тяжёлое дыхание. Силуэты догоняли.

Внезапно тропинка вывела её к фонтану Нептуна. Прямо перед ней, спиной к ней, стояла пара влюблённых, увлечённая разговором. Обойти их незаметно было невозможно. Элоиза обернулась. Из темноты аллеи вышли двое: человек в зелёном плаще и коренастый детина с лицом мясника. В руках у последнего поблёскивал узкий длинный нож.

Она отступила к фонтану, чувствуя холод мрамора за спиной. Рука судорожно сжала веер в сумочке. Жемчужина... Но их было двое, а порошок – только на одного.

– Ну что, графинюшка, – хрипло проговорил детина, приближаясь. – Погуляла и хватит. Пойдём с нами, герцог хочет с тобой побеседовать... без свидетелей.

Он протянул руку, чтобы схватить её. Элоиза отпрянула, её каблук соскользнул с мокрого края фонтана. Она потеряла равновесие и упала спиной в ледяную воду.

Шум, всплеск. Крики влюблённой пары. Преследователи на мгновение замерли в нерешительности.

Элоиза, захлёбываясь и цепляясь за скользкие камни, пыталась выбраться. Вода, тяжёлое мокрое платье тянули её на дно. Из темноты к фонтану бежали уже несколько человек, привлечённые шумом.

Человек в зелёном плаще выругался.

– Всё, уходи! – бросил он своему подручному, и они растворились в тени деревьев, прежде чем к фонтану подбежали слуги и тот самый капитан де Латур.

– Боже мой! Графиня! – Он, не раздумывая, прыгнул в бассейн фонтана и подхватил её на руки. Она дрожала от холода и ужаса, цепляясь за его мундир.

– Они... они хотели...

– Молчите, – тихо приказал он, вынося её из воды. – Ничего не говорите. Вы поскользнулись и упали. Понятно?

Она кивнула, зубы стучали. Вокруг уже собиралась толпа. Среди любопытных лиц она увидела ледяной, невозмутимый взгляд герцога де Фронтенака, наблюдавший с террасы. А рядом с ним – удовлетворённую ухмылку Жана-Батиста Леруа.

Капитан Латур накинул на неё свой мундир и повёл к дворцу. Навстречу им уже спешил граф де Сен-Жермен, его обычно непроницаемое лицо искажено редкой тревогой. За ним, стараясь не отставать, семенил виконт де Флерьяк, сбросивший ливрею лакея и теперь выглядевший как изящный, но смертельно бледный придворный.

– Элоиза! – голос Сен-Жермена прозвучал резко, отсекая шепот толпы. Он взял её за руку, и его пальцы, холодные и твёрдые, сжали её ледяную ладонь. – Что случилось?

– Она поскользнулась у фонтана, граф, – твёрдо доложил капитан Латур, всё ещё поддерживая Элоизу. Его мундир, накинутый на её плечи, тяжелел от воды. – К счастью, ничего серьёзного.

Взгляд Сен-Жермена скользнул по мокрому платью, по бледному, как полотно, лицу девушки, и в его глазах вспыхнуло понимание, мгновенно погашенное ледяной вежливостью. Он кивнул капитану.

– Вы оказали моей кухне неоценимую услугу, капитан де Латур. Я этого не забуду. А теперь, прошу прощения, её нужно согреть.

Он ловко принял Элоизу из рук мушкетёра, обняв за талию с видом озабоченного родственника. Габриэль тут же оказался с другой стороны, прикрывая её от любопытных взглядов своим телом.

– Идём, – тихо приказал Сен-Жермен, и его голос не допускал возражений.

Они быстро прошли через боковую галерею, оставив позади гул голосов и приглушённую музыку. Элоиза шаталась, зубы её выбивали дробь. Не от холода – вода в фонтане была прохладной, но не ледяной, – а от шока и осознания смертельной опасности. Слова «на дне Сены с камнем на шее» звенели в ушах, сливаясь со стуком каблуков по паркету.

Сен-Жермен провёл их в небольшой будуар, предназначенный для дам, желающих поправить туалет. Комната была пуста. Он щёлкнул замком, и Габриэль мгновенно прислонился к двери, прислушиваясь.

– Говорите быстро, – сказал граф, снимая с Элоизы мокрый мундир Латура и закутывая её в тяжёлый бархатный плед со стоявшего тут же кресла.

Элоиза, задыхаясь, выпалила услышанное в павильоне: о корабле, прибывающем послезавтра на рассвете, о «Голубой лилии», об «особом грузе» и о том, что герцог хочет лично убедиться. И о себе – о том, что её уже приговорили.

Сен-Жермен слушал, не перебивая. Его лицо стало похоже на маску из жёлтого воска.

– Леско был там? – спросил он, когда она закончила.

– Нет. Только незнакомец в зелёном плаще и другой, с ножом... с лицом мясника.

– Леско послал своих гонцов, – пробормотал Габриэль, не отрываясь от двери. – Зелёный плащ – это, возможно, Клод Бержер, контрабандист из Гавра. Он часто работает на Фронтенака. А второй... звучит как Гро-Луи, головорез с Острова Сите. Он исполняет грязные поручения.

– Послезавтра на рассвете, – повторил Сен-Жермен. Он подошёл к окну, отодвинул тяжёлую портьеру. Внизу, в парке, всё было спокойно. – Значит, времени почти нет. «Голубая лилия» – это не таверна и не корабль. Это частный дом на набережной Сены, недалеко от Лувра. Принадлежит одному коммерсанту, который, как известно, полностью зависит от милости герцога.

– Что за «особый груз»? – прошептала Элоиза, чувствуя, как дрожь понемногу отпускает её.

– То, ради чего всё затеяно, – мрачно ответил граф. – Не золото и не товары. Нечто гораздо более ценное для Фронтенака. Возможно, документы. Или человек.

Он резко развернулся.

– Габриэль, нужно предупредить Никиту. Пусть немедленно едет в Гавр. Узнает, какой корабль ожидается, откуда. И пусть будет осторожен – порт наверняка кишит людьми Леско.

– Сейчас же, – виконт кивнул и бесшумно скользнул за дверь.

Сен-Жермен повернулся к Элоизе. Его взгляд был тяжёлым.

– Вы понимаете, что теперь вы в первой линии огня? Они не отступят. Попытка похищения на балу – это демонстрация силы. И предупреждение мне.

– Я готова, – сказала она, и её собственный голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. Маска графини фон Лихтенштейн треснула, обнажив стальную волю Элоизы де Валькур. – Что мне делать?

– Для начала – выжить, – он протянул ей маленький флакон из тёмного стекла. – Носите это всегда с собой. Один глоток – и через мгновение наступит сон, похожий на смерть. Это даст время. Лучше это, чем Сена.

Элоиза взяла флакон, спрятала его в уцелевшем кармане юбки.

– А что дальше? Послезавтра?

– Послезавтра мы встретим этот корабль, – тихо сказал Сен-Жермен, и в его глазах вспыхнули те самые алхимические огни, о которых шептались при дворе. – Но не так, как ожидает Фронтенак. Вам нужно будет сыграть свою главную роль, Элоиза. Рискую не только маской, но и жизнью. Вы согласны?

Она посмотрела на него, на этого загадочного человека, который стал её единственным союзником в версальском зверинце. Вспомнила отца, чью честь нужно было очистить. Вспомнила ледяной взгляд герцога.

– Я согласна.

В дверь постучали. Вежливо, но настойчиво.

– Граф де Сен-Жермен? Её величество королева Мария Лещинская желает выразить своё беспокойство о здоровье графини фон Лихтенштейн и просит оказать ей всяческое внимание.

Сен-Жермен и Элоиза обменялись быстрым взглядом. Интерес королевы – это и защита, и дополнительный свет прожектора.

– Сейчас выйдем, – громко ответил граф, поправляя кружевные манжеты. – Идите, примите вид несчастной жертвы неловкости. Завтра мы начнём готовиться.

На следующий день особняк Сен-Жермена на улице Сен-Клод погрузился в лихорадочную деятельность, тщательно скрываемую за спокойным фасадом. Элоизу, официально оправлявшуюся от «испуга и простуды», посещали портные, приносившие новые платья, и учителя, закреплявшие с ней венский диалект и светские манеры. Но по ночам происходило другое.

В подвале особняка, в помещении, замаскированном под винодельню, Габриэль учил её владеть кинжалом. Не для атаки – для защиты.

– Маленький, для запястья или корсета, – говорил он, вкладывая ей в руку изящный клинок с рукоятью в виде птицы. – Один точный удар – в горло, под ребро, в глаз. Целься и не колебись. У тебя не будет второго шанса.

Никита, вернувшийся из Гавра с запахом моря и дегтя на одежде, докладывал скупой:

– Корабль «Летучий Голландец», под голландским флагом. Прибывает из испанских Нидерландов. Капитан – Ян ван Дейк. Груз – шерсть и краски. Но слухи в порту говорят, что в трюме есть потайное отделение. Охрану обеспечивают люди, похожие на наёмников, не местных.

Сен-Жермен, склонившись над картами Гавра и устьем Сены, разрабатывал план.

– Они разгрузят «особый груз» на частный причал «Голубой лилии» до полудня. Значит, нам нужно быть там раньше. Мы не можем перехватить груз силой – людей у нас мало. Нужно его увидеть. Идентифицировать. И, по возможности, изъять одну улику, одну ниточку, ведущую к Фронтенаку.

Он посмотрел на Элоизу.

– Вы, графиня, изъявите желание посетить Лувр и прогуляться по набережной. Я, как заботливый кузен, составлю вам компанию. Небольшая свита. Капитан де Латур, кстати, уже предложил свои услуги в качестве эскорта – он чувствует ответственность за ваше падение.

– Он на нашей стороне? – спросила Элоиза, вспоминая честные глаза мушкетёра.

– Он на стороне чести, – поправил Сен-Жермен. – Пока что этого достаточно. Но не доверяйте ему всего. В Версале даже честь имеет свою цену.

Вечером второго дня, накануне прибытия корабля, в особняк прибыл неожиданный гость – герцог де Фронтенак. Он был любезен, принёс даме коробку засахаренных фиалок от лучшего кондитера Парижа и выразил надежду, что «неприятный инцидент» не омрачил её впечатления о Франции.

Элоиза, одетая в изящное домашнее платье, играла роль выздоравливающей, слегка капризной аристократки. Но каждое его слово, каждый взгляд, скользивший по её шее (ожерелье она, по совету Сен-Жермена, не надела), заставляли её внутренне сжиматься.

– Я слышал, завтра вы планируете небольшую прогулку, – небрежно заметил герцог, отхлёбывая шоколад. – Прекрасная мысль. Воздух Сены целебен. Я, возможно, тоже буду неподалёку – у меня есть дела в том районе. Может, случайно встретимся?

– Было бы честью, ваша светлость, – улыбнулась Элоиза, чувствуя, как под этой улыбкой замирает сердце.

После его ухода Сен-Жермен долго молча смотрел на закрытую дверь.

– Он проверяет. И предупреждает. Он знает, что мы что-то затеваем. Завтра будет не прогулка, а дуэль.

Рассвет третьего дня застал Гавр окутанным холодным туманом, стелющимся с Ла-Манша. Из серой пелены, как призрак, материализовался силуэт трёхмачтового брига – «Летучего Голландца». Он бесшумно, без обычных криков и суеты, пришвартовался у дальнего, полуразрушенного причала, где его уже ждала закрытая повозка и несколько мрачных людей.

Никита, замаскированный под нищего рыбака, наблюдал за этим с крыши склада. Он видел, как из трюма подняли не бочки и тюки, а небольшой, тщательно упакованный ящик, который бережно внесли в повозку. И ещё кое-что – фигуру в плаще с капюшоном, которого почти несли под руки двое матросов. Фигура шла неуверенно, словно в полусне или в оковах. Повозка тронулась и скрылась в тумане, взяв курс на дорогу в Париж.

В это же время в Париже, у особняка Сен-Жермена, собиралась кавалькада для прогулки. Элоиза в наряде цвета морской волны, с изящной шляпкой, скрывавшей её напряжённое лицо. Граф – элегантный и невозмутимый. Рядом – капитан де Латур верхом на прекрасном гнедом

жеребце, с двумя верными мушкетёрами из своей роты. И Габриэль в роли беспечного секретаря.

Они выехали медленно, как и подобает светской компании. Проехали мимо Лувра, выехали на набережную. Воздух был свеж, солнце пыталось разорвать пелену облаков. Элоиза смеялась, показывая на лодки, но её глаза постоянно искали на горизонте ту самую «Голубую лилию».

И вот он – изящный трёхэтажный особняк с синими ставнями, стоящий прямо у воды, с небольшим частным причалом. У причала было пусто.

– Кажется, мы опоздали на зрелище, – тихо заметил Сен-Жермен, подъезжая ближе.

В этот момент ворота особняка распахнулись, и оттуда выехала та самая закрытая повозка, которую видел Никита. Она рванула по мостовой, направляясь в сторону Латинского квартала. Но не это заставило Элоизу вскрикнуть.

Из тех же ворот, боковым выходом, вышли двое слуг, волоча между собой ту самую фигуру в плаще. Капюшон на мгновение свалился, и солнечный луч упал на лицо – бледное, исхудавшее, с закрытыми глазами, но до боли знакомое.

Это был её отец. Маркиз Арман де Валькур, которого все считали мёртвым.

Повозка с ящиком уже скрылась за поворотом. Слуги почти втащили беспомощного маркиза обратно в дом, захлопнув дверь.

Элоиза сидела как парализованная, вцепившись в луку седла. Весь мир сузился до синих ставней, за которыми только что исчезло её самое страшное и самое сладкое видение. Отец. Живой. Но в каких руках!

– Вы видели? – её голос был хриплым шёпотом.

– Я видел, – голос Сен-Жермена прозвучал прямо рядом. Он тоже был бледен. – Теперь всё ясно. «Особый груз» – это не документы. Это свидетель. Ваш отец. И Фронтенак привёз его сюда, чтобы заставить молчать навсегда. Или заставить говорить то, что нужно ему.

Капитан Латур, не видевший лица пленника, но почуяв неладное, подъехал ближе.

– Граф? Что-то случилось?

Сен-Жермен уже владел собой. Он повернул лошадь.

– Ничего, капитан. Графине внезапно стало дурно от солнца. Нам нужно вернуться.

Но Элоиза схватила его за рукав. В её глазах горел дикий, нечеловеческий огонь.

– Нет! Мы не можем уехать!

Глава 4. Отцовская тень

«Нет! Мы не можем уехать!»

Её шёпот был полон такой неистовой решимости, что Сен-Жермен, уже развернувший лошадь, резко осадил коня. Его взгляд, холодный и предостерегающий, встретился с её горящим взором.

– Вы хотите погубить всё и его, и себя? – прошипел он так тихо, что слова долетели только до неё. – Сейчас, при свете дня, с капитаном в двух шагах? Овладейте собой, графиня, или вы подпишете ему смертный приговор.

Слова ударили, как хлыст. Элоиза вздрогнула, пальцы, вцепившиеся в его рукав, разжались. Весь её пыл угас, сменившись леденящим ужасом от собственной опрометчивости. Она видела, как капитан Латур настороженно наблюдает за ними.

– Простите, – выдохнула она, прикрыв глаза рукой в изящной перчатке. Голос её дрожал, но теперь это можно было списать на слабость. – У меня... закружилась голова. Это видение... мне показалось... – Она искусно позволила голосу сорваться, изобразив полуобморок.

Сен-Жермен мгновенно подхватил её под руку, демонстративно поддерживая.

– Капитан, вам виднее – графине явно нехорошо. Солнце и волнение. Нам необходимо немедленно вернуться.

Латур, лицо которого выражало искреннюю озабоченность, кивнул.

– Конечно, граф. Я сопровожу вас.

Обратный путь в особняк на улице Сен-Клод стал для Элоизы пыткой. Каждый копытный стук по брусчатке отдавался в висках навязчивым стуком: «Отец. Живой. Отец. Живой». Мысли метались, как пойманные в клетку птицы. Как он выглядел? Измождённым, почти бесплотным. Что с ним сделали? И главное – зачем Фронтенак привёз его в Париж, рискуя? Не для того же, чтобы просто убить – это можно было сделать тихо в любой глуши. Значит, он нужен живому герцогу. Как козырная карта. Как свидетель, которого можно заставить говорить что угодно под пыткой. Или... как приманка.

Эта последняя мысль заставила её похолодеть сильнее, чем вода в версальском фонтане.

В особняке, едва дверь будуара закрылась за ними, оставив Габириэля развлекать капитана Латура в салоне, маска рассыпалась.

– Он жив, – простионала Элоиза, больше не в силах стоять, опускаясь в кресло. – Вы видели? Он едва шёл... Боже мой, что они с ним сделали?

– Видел, – коротко бросил Сен-Жермен. Он не садился, а ходил взад-вперёд по комнате, как хищник в клетке. Его спокойствие было обманчивым – в каждом движении чувствовалась сдерживаемая энергия. – Это меняет всё. Фронтенак не просто скрывает следы. Он играет в более глубокую игру. Ваш отец – не просто неудобный свидетель кражи. Он ключ к чему-то большему. И герцог привёз его сюда, в самое логово, потому что здесь, под боком у короля, он чувствует себя в полной безопасности. Или потому, что здесь находится то, что может заставить маркиза заговорить.

– Мы должны его вытащить! Сегодня же! Ночью! – воскликнула Элоиза, вскакивая.

– И попасть прямиком в ловушку, – холодно парировал граф. Он остановился перед ней. – Подумайте, Элоиза. Вы случайно увидели его на секунду. А если это было позволено? Если вас специально подвели к тому месту в тот час, чтобы вы это увидели? Чтобы вы, потеряв голову, бросились на спасение и вывели на свет Божий не только себя, но и всю мою сеть? Герцог не глупец. Он знает, что вы здесь не просто так. Он подозревает, что вы не та, за кого себя выдаёте. И он использует самое сильное оружие – вашу любовь к отцу.

Она хотела возражать, но логика его слов была неумолима, как стальные тиски. Да, это было слишком удобно. Слишком явно.

– Значит, мы ничего не можем сделать? – в её голосе прозвучало отчаяние.

– Можем. Но не силой, а хитростью. Мы должны узнать, зачем отца привезли именно в «Голубую лилию». Что там находится? Кто там бывает? И что за ящик увезли в той повозке? – Он снова задумался. – Габириэль!

Дверь приоткрылась, и виконт бесшумно скользнул внутрь.

– Капитан удалился, полный сочувствия. Что прикажете?

– Нужно узнать всё о доме «Голубая лилия». Не только о владельце. О каждой служанке, лакее, поставщике. Кто входит и выходит, особенно ночью. И проследить за той повозкой. Никита, наверное, уже это делает, но удвойте наблюдение.

– Уже отдал распоряжение, – кивнул Габириэль. – Никита пошёл за повозкой. А за домом будет смотреть Мари-Клод.

Элоиза удивлённо подняла бровь. Сен-Жермен пояснил:

– Мари-Клод – наша пара глаз и ушей в Латинском квартале. Хозяйка маленькой таверны «У скрипучего колеса». Ничего не происходит в том районе, чего бы она не знала. Если в «Голубой лилии» есть потайной ход или подвал, она об этом узнает.

Наступила долгая, мучительная ночь. Элоиза не сомкнула глаз, ворочаясь в постели под балдахином. Она представляла отца в холодном подвале, прикованным цепями... или, что было ещё страшнее, удобно устроенным в комнате, но сломавшимся, согласившимся на сделку

с совестью ради спасения жизни или, что вероятнее, жизни дочери. Утром её лицо было бледным, с синяками под глазами, что не противоречило роли выздоравливающей.

За завтраком Габриэль доложил первые новости.

– Повозка доехала до особняка на улице Гренель, недалеко от Дома Инвалидов. Владелец – некто месье Дюбуа, поставщик канцелярских товаров для двора. Дом охраняется, но не слишком строго. Никита проник во двор под видом разносчика. Ящик внесли в кабинет на первом этаже. Больше оттуда не выносили.

– Поставщик канцелярских товаров... – задумчиво произнёс Сен-Жермен. – Идеальное прикрытие для перевозки документов. Значит, ящик – это, скорее всего, бумаги. Архив. Возможно, те самые фальшивые ведомости, которые скомпрометировали вашего отца, или другие доказательства заговора Фронтенака.

Вечером пришла весть от Мари-Клод. Переданная через верного посыльного, она была лаконична: «В доме у воды часто бывает врач. Привозят ночью, в карете с занавешенными окнами. Слуги шепчутся о больном господине на третьем этаже, в комнате с окнами во двор. Еду носят обильную, но вино не берут. Охрана внутри – двое у двери на лестнице, сменяются каждые шесть часов. Со стороны реки есть старый спуск к воде, почти заросший, но им не пользуются».

Больной господин. Это обнадеживало и пугало одновременно. Отца не пытали, за ним ухаживали. Но зачем?

– Его лечат, – сказала Элоиза, чувствуя, как в груди замирает надежда. – Может быть, он был ранен или заболел в дороге? И они хотят, чтобы он был в форме... для чего-то.

– Для допроса. Для очной ставки. Для подписания бумаг, – мрачно перечислил Сен-Жермен. – Здоровый и вменяемый свидетель ценнее полумёртвого. У нас есть немного времени, но не много.

План созрел медленно, как ядовитый гриб. Прямой штурм был исключён. Подкуп охраны – слишком рискованно, люди Фронтенака подбирались тщательно. Оставался один путь – проникновение извне. Старый спуск к воде.

– Нужно осмотреть его, – заявил Сен-Жермен на третий день. – Габриэль, ты пойдёшь сегодня вечером.

– Я пойду, – неожиданно твёрдо сказала Элоиза.

Оба мужчины уставились на неё.

– Это безумие, – первым нашёл слова Габриэль. – Тебя там сразу узнают.

– Кто будет искать женщину в доме, где, по слухам, содержится пленный? – парировала она. – Все будут искать мужчину-лазутчика. А я... я могу быть служанкой, подкупленной, чтобы передать записку. Или... – она выдержала паузу, – я могу быть той, кого они меньше всего ожидают увидеть. Если меня поймут, у меня есть флакон. И история о том, что я, безумная от горя дочь, решила сама спасти отца. Это дискредитирует только меня, а не вашу сеть.

Сен-Жермен смотрел на неё с незнакомым до сих пор выражением – в нём было что-то вроде уважения.

– Риск колоссальный.

– Мой отец рискует жизнью. Мой риск – лишь свободой и репутацией, которых у меня, по сути, и нет, – горько усмехнулась она. – Я знаю каждую родинку на его лице, каждую морщинку. Я смогу понять по одному взгляду, в каком он состоянии, сломлен он или нет. Вы этого не сможете.

Её доводы были железными. После долгого молчания граф кивнул.

– Хорошо. Но не сегодня. Завтра. Нужно подготовить всё до мелочей.

Подготовка была адской. Мари-Клод через подставное лицо устроила «служанку» – одну из девушек из таверны – на дневную работу в «Голубую лилию» под предлогом помощи на кухне во время приёма гостей. Девушка за один день смогла запомнить планировку первого

этажа и расположение лестниц. Со стороны реки Габриэль под покровом темноты обследовал спуск. Он был старым, полуразрушенным, заваленным мусором, но проходимым. Вёл он к запертой двери в цокольный этаж, но замок был ржавым и простым.

Элоизе сшили тёмное, бесформенное платье служанки из грубой ткани. Волосы спрятали под чепцом. В складки платья вшили два лезвия и флакон. Габриэль показал ей, как открыть простой замок отмычкой – двумя закалёнными стальными спицами.

Ночь проникновения была тёмной, безлунной. Туман с Сены окутывал набережную плотной, влажной пеленой, скрывая фигуры. Элоиза, сердце которой колотилось так, будто хотело вырваться из груди, шла за Габриэлем по узкой, скользкой тропинке под самым обрывом набережной. Вода внизу чёрная и беззвучная. Наконец, они упёрлись в груды камней и обломков дерева – начало спуска.

– Дверь в десяти шагах вверх, – прошептал Габриэль ей на ухо. Его дыхание было тёплым в холодном тумане. – Замок – как учили. Я буду ждать здесь. Если через час ты не вернёшься, или если будет тревога, я подниму шум, чтобы отвлечь внимание. Удачи.

Она кивнула, не в силах вымолвить слова, и стала карабкаться по мокрым, поросшим мхом ступеням. Дверь нашлась быстро – низкая, дубовая, почерневшая от времени. Замок поддался не с первого раза, дрожащие пальцы скользили по металлу. Наконец, щелчок прозвучал оглушительно громко в ночной тишине. Элоиза замерла, прислушиваясь. Ничего. Она нажала на скрипучую ручку и проскользнула внутрь.

Запах ударил в нос – сырость, плесень, вино и мыши. Она оказалась в низком подвале, заставленном бочками. Луч фонаря, который она прикрыла ладонью, выхватил из темноты груды хлама и узкую каменную лестницу, ведущую наверх. По плану, составленному со слов девушки-наводчицы, ей нужно было подняться на два пролёта, миновать кухню и по чёрной лестнице добраться до третьего этажа.

Каждый шаг отдавался эхом в тишине спящего дома. Однажды она услышала храп – должно быть, спала прислуга. Пробравшись мимо кухни, где тлели угли в очаге, она начала подъём по узкой, крутой лестнице. Сердце бешено колотилось. Вот и третий этаж. Дверь в коридор была приоткрыта. И тут она увидела их – двух охранников, сидящих на табуретах у двери в конце коридора. Один дремал, склонив голову на грудь, другой бодрствовал, уставившись в пространство. Комната отца должна была быть за этой дверью.

План «А» рухнул. Но был план «Б». Девушка говорила, что в конце коридора есть служебная комнатка для уборочного инвентаря. Элоиза, прижавшись к стене, юркнула в неё. Комнатка была крошечной, с маленьким окном, выходящим во внутренний дворик. И, как и надеялись, из этого окна был карниз, ведущий к окнам соседних комнат. Рискованно, безумно, но другого пути не было.

Открыв окно, она высунулась. Ночь и туман были её союзниками. Карниз был узким, покрытым скользким налётом. Прижавшись к стене, она начала двигаться, не глядя вниз, в чёрную бездну двора. Одно окно... другое... И вот – третье окно. Оно, в отличие от других, было не до конца закрыто, щель приоткрыта для воздуха. И сквозь щель пробивался слабый свет свечи.

Затаив дыхание, она заглянула внутрь.

Комната была скромно, но прилично обставлена: кровать, стол, кресло у камина, где тлел огонь. И в кресле, спиной к окну, сидел человек. Седая голова была склонена, он что-то читал при свете канделябра.

Глава 5. Лицо в окне

Сердце Элоизы замерло, а потом забилось с такой силой, что ей показалось, будто его стук слышат на другом конце коридора. Она прижалась лбом к холодному стеклу, впиваясь взглядом в знакомый, но так страшно изменившийся силуэт. Седая голова, некогда гордо вски-

нутая, теперь была склонена в покорной усталости. Плечи, всегда такие прямые под военным мундиром, ссутулились. Он читал, но рука, державшая книгу, лежала на колене неподвижно, будто лишённая сил даже перевернуть страницу.

«Папа...» – беззвучно прошептали её губы.

В этот миг он пошевелился, словно почувствовав на себе её взгляд, и медленно, с трудом, начал поворачиваться к окну. Элоиза инстинктивно отпрянула в тень карниза, но было уже поздно. Их взгляды встретились через узкую щель.

В его глазах не было ни удивления, ни радости. Сначала лишь пустое, отрешённое непонимание, будто он видел призрак. Потом зрачки расширились, в них мелькнул ужас, настоящий, животный ужас. Он резко вскинул руку, не то чтобы отмахнуться, не то чтобы предостеречь. Его бледные губы беззвучно сложились в одно слово: «Нет».

Она замерла, не в силах пошевелиться. Он покачал головой, отчаянно, почти умоляюще. Потом его взгляд метнулся к двери комнаты, и он сделал резкий, отрывистый жест – уходи.

Но Элоиза не могла уйти. Не теперь, когда она видела его живым. Она приложила палец к губам, а потом указала на окно, пытаясь жестами объяснить, что откроет его. Он снова замотал головой, и в его глазах появилось что-то новое – не просто страх, а леденящая душу тревога, предупреждение об опасности, которую она не видела.

Внезапно снаружи, со стороны коридора, послышались шаги и приглушённые голоса охранников. Маркиз де Валькур мгновенно преобразился. Он резко отвернулся от окна, уставившись в книгу, приняв прежнюю позу безучастного чтения. Его спина стала неестественно прямой, выдав лишь лёгкую дрожь в кисти руки.

Элоизе ничего не оставалось. Шаги приближались. Прижавшись к стене, она поползла обратно по карнизу, каждый мускул напряжён до предела. Она услышала, как в комнате отца щёлкнул замок, скрипнула дверь и грубый мужской голос спросил:

– Всё в порядке, месье? Показалось, вы вставали.

– Мне приснился кошмар, – прозвучал голос отца, глухой и безжизненный, но узнаваемый. – Старость, видимо. Вы можете принести ещё свечей? Читать темно.

Охранник что-то буркнул в ответ, дверь закрылась. Элоиза, уже добравшись до служебной комнатки, с трудом перевела дух. Её ум лихорадочно работал. Отец был в сознании, он узнал её, но он был напуган не только за себя. Он пытался её предостеречь. Значит, в комнате было что-то, что делало её появление смертельно опасным. Или за ним наблюдали иным способом.

Спуск в подвал и выход через старую дверь прошли как в тумане. Габриэль, выхвативший её из темноты, сразу всё понял по её лицу.

– Жив? – коротко спросил он.

– Жив, – выдохнула она, опираясь на его руку. Ноги подкашивались. – Но... это не просто тюрьма. Он боится. Не за себя. За меня. Он велел уходить.

Они бесшумно скользнули вдоль набережной, растворяясь в тумане, как призраки. Только в безопасности кареты, трясущейся по мостовой к улице Сен-Клод, Элоиза позволила себе дрожать. Теперь дрожь была не от холода, а от выплеснувшегося наружу ужаса и беспомощности.

В особняке их ждал Сен-Жермен. Он не задавал вопросов, лишь налил ей бокал креплёного вина и молча ждал, пока она отойдёт.

– Ну? – наконец произнёс он, когда цвет начал возвращаться к её щекам.

Элоиза рассказала всё, до мельчайших деталей: комнату, жест, ужас в глазах отца, приход охранника, его притворство.

– Он не сломен, – заключила она с внезапной уверенностью. – Он играет роль. Роль сломленного, больного старика. Но он в своём уме. И он знает, что за ним наблюдают даже в той комнате.

– Возможно, подслушивают, – предположил Габриэль. – Или в комнате есть потайное окошко.

– Или он просто понимает, что любое неверное движение, любой намёк на связь с внешним миром погубит не только его, но и того, кто пришёл, – мрачно сказал Сен-Жермен. Он встал и подошёл к камину, глядя на пламя. – Его страх за вас – лучшее доказательство, что Фронтенак использует его как приманку. Они ждут, что вы клонете. И они готовы.

– Но зачем тогда его лечить, хорошо кормить? – не унимался Габриэль. – Чтобы поддерживать в нём силы для чего-то.

– Для встречи, – тихо сказала Элоиза. Оба мужчины повернулись к ней. – Он был одет не в лохмотья, а в чистый, простой, но приличный халат. На столе стоял недопитый бокал вина, а не вода. Его содержат... как почётного гостя, которому скоро предстоит важное свидание.

Сен-Жермен медленно кивнул.

– Очная ставка. Или подписание бумаг. Фронтенак готовит сцену, где ваш отец, «раскаявшийся» и «спасённый» милостью герцога, публично признаёт свою вину и, возможно, назовет имена других «заговорщиков». Или... подтвердит подлинность каких-то документов. Тех самых, что в ящике у поставщика Дюбуа.

Мысль была чудовищной. Арман де Валькур, герой Рокруа, чьё имя было синонимом чести, выставленный как жалкий предатель, клеветущий на других, чтобы спасти свою шкуру. А её, Элоизу, объявят соучастницей или сумасшедшей, пытающейся спасти предателя.

– Мы должны вытащить его до этого, – заявила она, и в голосе её не осталось и тени сомнения.

– План с проникновением через окно больше не сработает, – констатировал Габриэль. – Они теперь начеку, даже если не знают точно, что было. Усилят охрану.

– Значит, нужно сделать так, чтобы его вывели из дома, – сказал Сен-Жермен. Его глаза сузились, в них загорелся холодный, расчётливый блеск. – Если они готовят его для публичного появления, значит, его куда-то повезут. Нам нужно узнать куда, когда и под какой охраной. И перехватить по дороге.

Это была авантюра, сравнимая с ограблением королевской кареты посреди Парижа. Но другого выхода не было.

На следующий день сеть Сен-Жермена пришла в движение. Мари-Клод через своих девиц выведала, что в «Голубой лилии» ждут важного гостя – личного врача герцога Фронтенака, который должен навестить «больного». Никита, проникнув в дом Дюбуа под видом подмастерья печатника, обнаружил, что в кабинете не просто хранятся бумаги – там работает целая мастерская по подделке документов и печатей. А Габриэль, кружащий в свете, подслушал в салоне одной влиятельной маркизы обрывок разговора: герцог Фронтенак вскоре представит королю «неопровержимые доказательства» коррупции в интендантстве, которые «потрясут двор».

Пазлы складывались в чёткую, пугающую картину. Фронтенак готовил грандиозный удар, чтобы не просто замести следы своих махинаций, но и свалить всё на де Валькура и его «сообщников», укрепив при этом собственное положение и, возможно, получив новые, ещё более выгодные должности.

Вечером третьего дня пришла решающая весть. Одна из служанок «Голубой лилии», подкупленная Мари-Клод, сообщила: больного господина повезут послезавтра, ночью, в закрытой карете. Не в Версаль, а в старый особняк на улице Вожирар, принадлежащий доверенному лицу герцога. Там, в уединении, должна состояться его встреча с неким «свидетелем».

– Это наш шанс, – сказал Сен-Жермен, развернув на столе подробный план квартала. – Улица Вожирар узкая, с множеством переулков. Карета будет двигаться медленно. Мы устроим засаду здесь, на повороте, где фонарь всегда тухнет. Никита с людьми перегородит дорогу

телегой, будто бы сломавшейся. Габриэль, ты с моими людьми атакуешь охрану с флангов. Быстро, тихо, без лишнего шума.

– А я? – спросила Элоиза.

– Вы будете в резервной карете в двух шагах, – его тон не допускал возражений. – Если всё пойдёт по плану, мы пересадим маркиза к вам, и вы мгновенно умчитесь на заранее подготовленную конспиративную квартиру. Если что-то пойдёт не так... вы скроетесь.

Она хотела протестовать, но понимала логику. Её присутствие в гуще схватки могло только навредить, отвлекая мужчин.

Ночь перед операцией была самой долгой в её жизни. Она проверяла и перепроверяла каждую деталь своего скромного костюма камеристки, который наденет для переезда, прятала в складках платья деньги и поддельные бумаги. В голове проносились кошмарные картины: засада, перестрелка, окровавленное лицо отца...

Ровно в назначенный час она была в карете, стоявшей в тёмном переулке, примыкающем к улице Вожирар. Кучер – один из людей Сен-Жермена – сидел недвижимо. Элоиза приоткрыла оконце, вслушиваясь в ночную тишину. Город спал. Где-то вдали пролаяла собака.

И вот наконец донёсся стук копыт и скрип колёс. Не одна карета – несколько. Сердце упало. Разведка говорила об одной карете с четырьмя охранниками. Но звуков было больше. Она выглянула.

Из темноты выплыла не одна, а две тяжёлые, закрытые кареты, окружённые по меньшей мере восемью всадниками с зажжёнными факелами. Охрана была удвоена, а то и утроена. Это была не перевозка пленного, это был военный эскорт.

«Ловушка, – мелькнуло в голове с ледяной ясностью. – Они знали».

В этот миг из переулка напротив выкатил опрокинутая телега, как и планировалось. Но вместо замешательства в рядах охраны раздалась резкая команда. Всадники не бросились к телеге, а, наоборот, сомкнулись вокруг карет, обнажив шпаги и пистолеты. Из тени домов, где должны были скрываться люди Никиты и Габриэля, не выскочил никто. Тишина была зловещей.

И тогда дверь первой кареты распахнулась. Из неё вышел не пленный маркиз, а высокий мужчина в плаще, чьё лицо, освещённое факелом, заставило кровь стынуть в жилах Элоизы. Это был капитан королевских мушкетёров, человек с холодными глазами и безупречной репутацией, известный своей непримиримостью к врагам короны. Герцог Фронтенак вышел следом, его упитанное лицо расплылось в самодовольной улыбке.

Он что-то сказал капитану, и тот кивнул, отдавая приказ. Мушкетёры спешили и начали обыскивать переулки. Они шли цепью, методично, явно зная, где искать.

Карета Элоизы оказалась в ловушке. Выехать незамеченной было невозможно.

– Месье капитан! – вдруг раздался громкий, властный голос с другого конца улицы. Из темноты вышел Сен-Жермен. Он был один, в элегантном придворном костюме, без оружия на виду. Его появление было так неожиданно, что все замерли. – Какой приятный сюрприз встретить вас здесь в такой час. И вас, герцог. Вы тоже наслаждаетесь ночной прохладой?

Фронтенак поморщился, но скрыл раздражение.

– Граф де Сен-Жермен? Ваше появление более чем странно. Мы по долгу службы проводим операцию по поимке опасных заговорщиков. Прошу вас удалиться, чтобы не мешать.

– Заговорщиков? На этой сонной улице? – Сен-Жермен поднял бровь с изысканным недоумением. – Я шел на свидание к одной очаровательной особе, чьё имя, уверен, вам ничего не скажет. Но если я мешаю королевской службе... конечно, удалюсь.

Он сделал небрежный жест, но его появление сделало своё дело. На несколько драгоценных минут внимание всей охраны было приковано к нему. Элоиза увидела, как её кучер тихонько тронул лошадей, и карета, пользуясь суматохой и тенью, начала медленно пятиться вглубь переулка, к другому выходу.

В этот момент дверь второй кареты в кортеже Фронтенака тоже приоткрылась. И в свете факела Элоиза увидела лицо. Не отца.

Аббата Морье. Того самого, что вёз роковой приказ об аресте в Нормандию.

И он смотрел прямо в её сторону. Прямо на отъезжающую карету. Их взгляды встретились на мгновение – и в глазах аббата вспыхнуло не просто узнавание, а торжествующее, хищное понимание.

Карета Элоизы рванула с места, выезжая на соседнюю улицу. Но она знала, что уже поздно.

Аббат видел её. И теперь он знал, с кем она связана.

Глава 6. Игра в тени

Карета мчалась по спящим улицам Парижа, подпрыгивая на булыжниках. Сердце Элоизы колотилось в унисон с топотом копыт, но в голове царил ледяная, кристальная ясность. Аббат Морье её видел. Это был не просто свидетель – это был ключевой винтик в машине Фронтенака, человек, который лично вручил отцу приказ об аресте. Его присутствие в карете вместо маркиза де Валькура означало одно: вся операция по «спасению» с самого начала была спектаклем, разыгранным для поимки её и её сообщников. Они шли на поводу, как слепые щенки.

«Сен-Жермен, – прошептала она, впиваясь пальцами в обивку сиденья. – Габриэль».

Кучер, Лазар, обернулся, крикнув сквозь оконце:

– Место, мадемуазель! Нас не преследуют! Но ехать на конспиративную квартиру теперь нельзя. Они могли вычислить её.

– Везите меня к реке, – приказала Элоиза, не раздумывая. – К Новому мосту. Там мы растворимся в толпе.

Она знала, что делает. Утро близилось, на набережных начнётся движение торговцев, водоносов, рыбаков. Сменить карету на платье простолюдинки, купленное про запас, и исчезнуть – единственный шанс.

Пока Лазар гнал лошадей, её ум лихорадочно работал. Почему Сен-Жермен вышел один? Где Габриэль и люди Никиты? Были ли они арестованы ещё до начала, или граф, почуяв ловушку, намеренно отвлёк внимание, пожертвовав собой, чтобы дать ей уйти? Мысль о его возможной гибели сжала ей горло, но она подавила панику. Чувство вины сейчас было роскошью, которую она не могла себе позволить.

На Новом мосту, едва занялась заря, она, уже в грубом шерстяном платье и платке, скрывающем лицо, выскользнула из кареты.

– Предупредите всех, кого сможете, – бросила она Лазару. – «Голубая лилия», мастерская Дюбуа – всё под угрозой. Затем исчезните сами.

– А вы, мадемуазель?

– Я найду способ связаться. Идите!

Она смешалась с толпой, неся кувшин, купленный у первой же торговки, как будто шла за водой. Город просыпался, и его обыденный гул был ей лучшим укрытием.

Целый день Элоиза скиталась, как тень, избегая мест, связанных с сетью Сен-Жермена. Она купила краюху хлеба и ела её, сидя на ступенях церкви Сен-Жермен-л'Осеруа, наблюдая за людьми. Её учили: когда сеть порвана, нужно стать одиночкой, вернуться к самым основам. У неё были деньги, спрятанные в поясе, поддельные бумаги на имя вдовы Лебрэн и адрес – крохотная комнатка под крышей в районе Марэ, запасное убежище, о котором знали только она и Сен-Жермен. Туда она и отправилась с наступлением сумерек.

Комната была нетронутой, пыльной и холодной. Разведя огонь в крошечном камине, Элоиза наконец позволила себе дрожь усталости и отчаяния. Они проиграли этот раунд. Отец по-прежнему в руках Фронтенака, их организация, возможно, разгромлена, а она сама – разыскиваемая преступница, чьё лицо теперь знал аббат Морье.

Но вместе с отчаянием пришло и жгучее, ясное понимание. Фронтенак не стал её хватать. Он позволил уехать. Почему? Потому что она, живая и свободная, была ему нужнее, чем пойманная. Она была приманкой, которая могла привести к другим, или же разменной монетой в какой-то более сложной игре. Аббат видел её в карете Сен-Жермена. Теперь связь между графом и дочерью маркиза де Валькура была установлена. Это давало герцогу козырь против могущественного Сен-Жермена.

«Он хочет играть в четверть, – подумала она, глядя на пламя. – Но чтобы играть, нужны две стороны».

Ей нужно было узнать, кто остался в игре. И для этого требовался риск.

На следующий день, переодевшись в скромное, но опрятное платье горничной, она отправилась на улицу Сен-Клод, к особняку Сен-Жермена. Не приближаясь к нему, она целый день наблюдала из-за угла соседнего дома. Движения у ворот не было, шторы в главных залах были спущены. Ни намёка на обыск или арест. Либо графу удалось выкрутиться, либо его взяли тихо, чтобы не поднимать шума. Она заметила лишь старьевщика, который разложил свой товар на противоположном тротуаре и, казалось, дремал на солнце. Но его взгляд, острый и быстрый, слишком часто скользил по фасаду особняка. Надзиратель.

Вечером она решилась на отчаянный шаг – послать весточку через единственный, казалось бы, неприкосновенный канал: Мари-Клод из «Голубой лилии». Написав на клочке бумаги условную фразу: «Тетушка ждёт новостей о больной кухне», она запечатала его и, наняв уличного мальчишку-посыльного, отправила с ним в публичный дом, сунув в руку монету вдвое больше обычного.

– Передай только в руки мадам Мари-Клод, больше никому. Скажешь, что от цветочницы с рынка.

Мальчишка кивнул и убежал. Элоиза, терзаемая тревогой, ждала в тёмной арке неподалёку. Через час мальчишка вернулся, мрачный.

– Там жандармы, мамзель. У входа стоят. Я сунул записку через забор кухонному мальчику, но кто её получит...

Элоиза отпустила его, чувствуя, как земля уходит из-под ног. «Голубая лилия» пала. Значит, аресты уже идут. Сеть рвётся.

Она вернулась в свою конуру в Марэ, ощущая полное одиночество. Ночь была беспросветной. Она думала об отце, запертом в своей комфортабельной клетке. О Габриэле, чья судьба была неизвестна. О Сен-Жермене, этом человеке-загадке, который, возможно, уже был в Бастилии благодаря ей.

На рассвете её разбудил тихий, но настойчивый стук в дверь. Не в такт, а условный ритм: три коротких, два длинных. Сигнал, известный лишь узкому кругу.

Схватив спрятанный в складках матраса кинжал, она подкралась к двери.

– Кто? – прошептала.

– Тот, кто танцевал с вами на балу в Версале под маской Аполлона, – прозвучал сдавленный, но узнаваемый голос.

Габриэль.

Она распахнула дверь. Он ворвался внутрь, запах ночной сырости, пота и крови смешавшись с пылью комнаты. Его камзол был порван у плеча, на щеке темнела ссадина, но глаза горели лихорадочным блеском.

– Быстро, собирайте вещи. Здесь небезопасно. Они идут по цепочке.

– Что случилось? Где Сен-Жермен? – засыпала она его вопросами, набрасывая плащ.

– Граф в своём особняке, но под домашним арестом. Фронтенак не решился взять его открыто – слишком влиятелен. Но дом окружён шпионами. Никита арестован. Мари-Клод тоже. Мастерскую Дюбуа опечатали. Они вышли на нас через кого-то из низов, – Габриэль говорил отрывисто, помогая ей собрать скудные пожитки. – Меня схватили в ту ночь, но по

дороге в Консьержери карету атаковали. Люди графа, оставшиеся на свободе. Я вырвался. Нас ищут повсюду.

– Почему ты нашёл меня? – спросила Элоиза, глядя ему прямо в глаза.

– Потому что Сен-Жермен, прежде чем его изолировали, успел передать мне одно слово: «Марэ». Он предполагал, что вы воспользуетесь этим убежищем. И он был прав.

Они выскользнули из дома на рассвете, как воры. Габриэль вёл её лабиринтом задних дворов и переулков, пока они не вышли к Сене далеко от центра. Там, у полуразрушенной мельницы, их ждала лодка. Они переправились на другой берег, в предместье Сен-Жермен, где в глубине сада стоял небольшой охотничий домик, принадлежавший одному из «молчаливых» союзников графа.

Только в относительной безопасности, у огня, Габриэль рассказал всё.

– Это был чистый провал. Фронтенак знал о нашем плане с самого начала. Кто-то выдал. Возможно, та служанка из «Голубой лилии», возможно, кто-то из наших. Аббат Морье – ключевая фигура. Оказывается, он не просто курьер. Он финансист, тот, кто через подставных лиц отмывал деньги, украденные Фронтенаком. Ваш отец в своих записях, должно быть, вышел на него, поэтому Морье и поехал лично в Нормандию с приказом – убедиться, что маркиз не выживет после ареста.

– Но отец жив, – тихо сказала Элоиза.

– Потому что Фронтенак понял, что мёртвый герой менее полезен, чем живой козёл отпущения. Они сломали бы его, заставили подписать всё, что нужно, а затем... – Габриэль не договорил, но смысл был ясен. После публичного «признания» маркиз де Валькур умер бы от «болезни» или «угрызений совести».

– Что нам делать? – спросила она, глядя на пламя. В её голосе не было покорности, лишь холодная решимость.

– Граф считает, что нужно бить в самое сердце заговора. Не спасать – а атаковать. У нас есть одно преимущество: они думают, что мы разгромлены и в панике прячемся. Они не ждут удара.

– Каким образом?

– Документы из мастерской Дюбуа, – сказал Габриэль. – Настоящие, а не поддельные. Никита перед арестом успел кое-что вынести и спрятать. Не всё, но достаточно. Счета, письма, расписки. Всё ведёт к аббату Морье и через него – к Фронтенаку. Но этого недостаточно для суда. Нужно живое свидетельство. Нужен кто-то изнутри.

– Кто?

– Поставщик Дюбуа. Он арестован, но содержится отдельно. Он не аристократ, его могут пытать в Шатле. Он сломается и подтвердит любую версию Фронтенака. Или... – Габриэль сделал паузу, – если мы до него доберёмся, он может подтвердить нашу.

Это было безумием. Штурмовать тюрьму Шатле?

– Не штурмовать, – прочитал её мысли Габриэль. – Подкупить, выкрасть, подменить. У графа ещё есть ресурсы и люди в самых неожиданных местах. Но для этого нужно отвлечь Фронтенака и Морье. Заставить их смотреть в другую сторону.

План, который созрел у них за следующие два дня, был тоньше и опаснее прежнего. Они не могли бороться с грубой силой, им оставалось только фехтовать настолько изощрённо, чтобы противник сам напоролся на клинок.

Элоизе предстояло сыграть главную роль. Она должна была снова появиться на свету. Не как беглянка, а как отчаявшаяся дочь, ищущая покровительства. Она должна была прийти к единственному человеку, чьё влияние могло соперничать с влиянием Фронтенака, и кто, по слухам, был с ним в скрытой вражде – к самой фаворитке короля, мадам де Монтеспан.

Пробраться в Версаль, переодетой в платье провинциальной дворянки, просить аудиенции у всемогущей метрессы... это было самоубийственно. Но именно поэтому это могло сра-

ботать. Фронтенак, узнав, что дочь де Валькура ищет защиты у его недоброжелателя, будет вынужден переключить внимание на придворные интриги, пытаясь дискредитировать её или перехватить. Это дало бы время и прикрытие операции по освобождению Дюбуа.

Габриэль должен был координировать действия оставшейся сети снаружи. Их связным стал неожиданный человек – старый учитель фехтования Элоизы, месье Бушар, верный памяти её отца и ничего не знавший о заговоре, но готовый помочь «несчастной сироте».

Подготовка заняла несколько дней. Элоиза учила придворные манеры, обновляла легенду, репетировала речь, полную смирения и намёков на «ужасную несправедливость». Платье для визита, скромное, но из хорошей ткани, достали через Бушара.

Наконец, день настал. В предрассветном тумане карета, предоставленная учителем, повезла Элоизу в Версаль. Габриэль остался в Париже – его лицо могло быть уже известно шпионам герцога. Прощаясь, он неожиданно взял её руку и крепко сжал.

– Если что-то пойдёт не так... – начал он.

– Всё пойдёт так, как должно, – перебила она, но не отняла руки. В его глазах она видела не только тревогу, но и что-то ещё, что заставило её сердце сжаться. – Береги себя, Габриэль. Мы встретимся у цели.

Дорога в Версаль казалась бесконечной. Дворцовый комплекс, выраставший из тумана, подавлял своим масштабом и холодным величием. Здесь, в этом центре вселенной, решались судьбы королевства. И здесь же, в паутине коридоров и салонов, ей предстояло сыграть свою самую опасную роль.

Через слугу, подкупленного Бушаром, ей удалось передать прошение о аудиенции мадам де Монтеспан. Ответа пришлось ждать в одном из приёмных залов, заполненных просителями всех всех мастей – от бледных провинциальных дворян, надеющихся на пенсию, до надушенных поставщиков, жаждущих королевского контракта.

Глава 7. Придворные игры

Воздух был густ от запаха воска, пудры и человеческого нетерпения. Элоиза сидела на краю стула, сжимая в руках потрёпанный ридикюль, внутри которого лежали её поддельные бумаги и несколько золотых луидоров – всё её состояние. Каждый взгляд, брошенный в её сторону, заставлял её внутренне сжиматься: не узнал ли кто? Не доложили ли уже Фронтенаку?

Часы тянулись мучительно. Она наблюдала, как одних вызывали через золочёные двери, ведущие в покои фаворитки, а других, с поникшими головами, выпроваживали. Придворные, пронесившиеся мимо шелестящими шелками и кружевами, смотрели на эту толпу как на невидимую мебель. Элоизу охватило горькое чувство унижения. Она, дочь одного из старейших родов Нормандии, вынуждена была пробираться в задние сени власти, как нищая родственница.

Наконец, к ней подошёл сухой, как щепка, паж в ливрее Монтеспан.

– Мадемуазель де Валькур? За мной. Мадам может уделить вам несколько минут. Будьте кратки.

Сердце Элоизы ёкнуло. Она поднялась, следя за осанкой, и вошла в узкий коридор, а затем в небольшую, но роскошную приёмную. Здесь воздух был иным – сладкий аромат восточных благовоний, смешанный с запахом свежесрезанных тюльпанов. Мадам де Монтеспан, полулежа на кушетке в неглиже из голубого атласа, просматривала какую-то записку. Её знаменитые золотистые волосы были убраны небрежно, но каждая локонка лежала с безупречной искусственностью. Она была ослепительна, как и её репутация – властная, капризная, умная и безжалостная.

– Ну что ж, – голос у неё был низким, мелодичным, но без тепла. – Дочь маркиза де Валькура. Весь Париж говорит о вашем отце. И о том, что вы скрываетесь. Довольно смело – явиться сюда.

Элоиза сделала глубокий реверанс, опустив глаза.

– Мадам, я пришла не из смелости, а из отчаяния. Мой отец невиновен. Он стал жертвой гнусного заговора, и я ищу не справедливости – её, как я понимаю, здесь не добиться, – а защиты. Хотя бы на время, чтобы найти доказательства его невиновности.

Монтеспан медленно отложила записку и устремила на Элоизу пронзительный взгляд.

– Заговор, говорите? Против кого? Против короля? Или, может быть, против кого-то из его... приближённых? – В её голосе прозвучала лёгкая, но опасная насмешка.

Элоиза поняла намёк. Фронтенак был влиятелен, но его могущество зиждилось на административных талантах и контроле над финансами. Монтеспан же держала власть через сердце короля. Между ними существовала тихая, но ожесточённая война за влияние.

– Я не осмелюсь называть имена, мадам, не имея неоспоримых доказательств. Но я знаю, что человек, погубивший моего отца, обладает огромной властью и боится лишь одного – разоблачения перед Его Величеством. Я верю, что только человек, равный ему по положению и пользующийся безграничным доверием короля, может помочь мне эти доказательства добыть.

Лесть была грубой, но искусно поданной. Уголок губ Монтеспан дрогнул.

– Очень гладко сказано, дитя моё. Вы хорошо подготовились. Но почему я должна рисковать своим положением, вмешиваясь в дело государственной измены? Чем вы можете быть полезны мне?

Это был ключевой момент. Элоиза сделала шаг вперёд, понизив голос.

– Информацией, мадам. Мой отец вёл записи. Я не взяла их с собой – это было бы безумием. Но я знаю, о чём они. Там не только имена сообщников, но и цифры – огромные суммы, исчезнувшие из казны. Часть этих денег, как я подозреваю, осела не только в карманах заговорщиков, но и финансировала... определённые частные проекты, которые могли бы скомпрометировать любого, даже самого высокопоставленного вельможу, если бы связь стала известна королю.

Она блефовала, но блефовала на основе догадок, родившихся из отрывочных записей отца и слов Габриэля. Если Морье отмывал деньги, часть их могла идти на личные прихоти Фронтенака – строительство, коллекции, содержание любовниц. А что, если эти «частные проекты» как-то пересекались с интересами или, что ещё хуже, с тайнами самой Монтеспан?

Лицо фаворитки оставалось непроницаемым, но в её глазах мелькнула искорка живого, хищного интереса.

– Вы говорите очень общими фразами, мадемуазель. Конкретика – вот цена моего покровительства. Вы будете жить здесь, в Версале, под видом одной из моих дальних родственниц, прибывшей из провинции. Вы получите кров и защиту – стены моих апартаментов даже Фронтенаку не так просто пересечь. Но в ответ вы будете сообщать мне всё, что узнаете. Каждый намёк, каждую ниточку, ведущую к... этим «частным проектам». И когда у вас будут не предположения, а факты, мы поговорим о вашем отце. До тех пор он останется там, где есть. Ясно?

Элоиза почувствовала, как её внутренности сжались в ледяной ком. Она продавала душу, вступая в сделку с одной из самых опасных женщин Франции. Но иного выхода не было.

– Ясно, мадам. Я бесконечно благодарна за ваше великодушие.

– Не обольщайтесь, – холодно парировала Монтеспан. – Это не великодушие. Это инвестиция. Антуанетта! – Она позвала горничную. – Устройте мадемуазель де Валькур в синей комнате. И подберите ей приличное платье. Нельзя, чтобы при моём дворе ходили в таких лохмотьях.

Так Элоиза стала тенью при дворе «истинной королевы Франции». Синяя комната оказалась крошечной, но с видом на Оранжерею. Платья, которые ей предоставили, были хороши, но скромны – как и подобало бедной родственнице. Её представили как мадемуазель Элен де Ларок, сироту из Лангедока. Она должна была учиться манерам, появляться на второстепенных приёмах и, главное, наблюдать и слушать.

Первые дни были адом постоянного страха. Каждый вельможа, каждый офицер королевской гвардии казался агентом Фронтенака. Но постепенно она начала ориентироваться в этом муравейнике. Она узнала, что герцог де Фронтенак должен прибыть в Версаль через неделю для отчёта перед королём о состоянии финансов. Это была её возможность.

С помощью одной из болтливых фрейлин, подкупленной золотой сережкой (последней из её скудных запасов), Элоизе удалось узнать, где в Версале остановится герцог и кто из его свиты будет его сопровождать. В списке, среди прочих, значилось имя: аббат Морье. Сердце её заколотилось. Враги собирались под одной крышей.

Тем временем, используя доверенную ей горничную для передачи записок старому Бушару (который, в свою очередь, связывался с Габриэлем), она пыталась узнать о ходе операции в Париже. Весточки приходили скудные и тревожные: «Работа идёт. Будь осторожна. Доверие – яд». Последние слова отзывались в ней тревогой. Габриэль предупреждал её не слишком полагаться на Монтеспан.

Однажды вечером, бродя по почти пустым галереям Малых апартаментов, Элоиза неожиданно столкнулась с человеком, выходящим из кабинета королевского географа. Высокий, сутуловатый, в простом, но дорогом тёмном камзоле, с лицом аскета и пронзительными серыми глазами. Это был Жан-Батист Кольбер, министр финансов, главный соперник Фронтенака в управлении казной и... по слухам, тайный недоброжелатель Монтеспан.

– Прошу прощения, мадемуазель, – сказал он сухо, пропуская её вперёд. Его взгляд скользнул по её лицу, и Элоизе показалось, что в нём на мгновение вспыхнул интерес. Не как к женщине, а как к загадке. Кольбер знал всех при дворе. Появление нового, незнакомого лица не могло ускользнуть от его внимания.

– Это я виновата, месье, – поспешно ответила она, делая реверанс.

Он кивнул и прошёл дальше, но этот мимолётный контакт посеял в душе Элоизы новую идею. Что если играть не на одном фронте? Если Монтеспан была оружием эмоций и влияния, то Кольбер был оружием фактов и порядка. Подойди к нему неправильно – и он уничтожит её как соучастницу заговора. Но если найти верный ключ...

План созрел в её голове, рискованный и многоходовый. Она должна была заставить Фронтенака и Морье совершить ошибку здесь, в Версале, на глазах у двора. И для этого ей нужна была не только информация, но и свидетель. Этим свидетелем мог стать поставщик Дюбуа, если Габриэлю удастся его выкрасть. Но как доставить его в Версаль, минуя все кордоны?

Мысль о Габриэле не давала ей покоя. В редких, зашифрованных строчках его записок она читала не только отчётность, но и непрошеную нежность, беспокойство за неё. И сама ловила себя на том, что в самые тяжёлые минуты её мысли обращались не к призрачному образу Сен-Жермена, а к его дерзкому, верному лейтенанту с насмешливыми глазами.

Наконец, день прибытия Фронтенака настал. Весь Версаль замер в ожидании. Герцог въехал во двор с кортежем, достойным принца крови. Рядом с его каретой, на коне, ехал аббат Морье – лицо невозмутимое, взгляд опущенный, но в его осанке читалась уверенность человека, находящегося под самой могущественной защитой.

Элоиза наблюдала за этим с балкона, спрятавшись за колонной. Увидев Морье, она почувствовала, как по спине пробежал холодок ненависти. Это он сломал её отца. Это из-за него они все оказались в этой ловушке.

Вечером был устроен неофициальный ужин в покоях мадам де Монтеспан. Элоиза, как «родственница», получила право присутствовать среди прочей свиты в дальнем конце зала. Фронтенак, облачённый в чёрный бархат, расшитый серебром, был любезен, остроумен, сыпал комплиментами. Но его глаза, маленькие и острые, как буравчики, постоянно метались по залу, оценивая, вычисляя. Его взгляд скользнул и по Элоизе, задержался на секунду – без узнавания, но с лёгким вопросом: кто эта новая девушка в окружении Монтеспан?

Аббат Морье стоял позади него, как тень. Он почти не прикасался к вину, мало говорил, но его присутствие ощущалось, как тихий гул натянутой струны.

Именно тогда Элоиза решилась на первый шаг. Когда гости разбрелись по салону, играть в карты и вести беседы, она незаметно приблизилась к столу, где лежали принесённые герцогом для фаворитки дары – роскошное фламандское кружево и несколько новомодных романов. Рядом лежала его перчатка. Оглянувшись, Элоиза быстрым движением подняла её и сунула за корсаж. Украденная перчатка – пустяк. Но в мире версальских интриг даже пустяк мог стать оружием.

Позже, в своей комнате, она разглядывала трофей. Перчатка из тончайшей лайки, с монограммой «L.F.» (Луи де Фронтенак). И внутри, на кожаной подкладке у запястья, едва заметное пятно – не грязь, а следы чернил, как будто герцог имел привычку, задумавшись, тереть пером по краю манжеты. А рядом с пятном – крошечный, схематичный рисунок, нацарапанный ногтем или остриём: не то латинская буква, не то цифра. Она принесла свечу ближе. Это была римская цифра «V». И рядом с ней – миниатюрный, но отчётливый рисунок... лилии.

Лилии были на гербе короля. Но эта была стилизована иначе. Элоиза где-то видела этот символ. Она лихорадочно рылась в памяти. И вдруг вспомнила. В тетради отца, среди прочих значков, был похожий рисунок. Он стоял рядом с суммой и датой, и отец на полях написал карандашом: «V. фон?».

«V»... «Пятый»? Или инициал? Лилии... Бурбоны. Но стилизация... Её осенило. Такой символ использовали некоторые тайные общества, связанные с алхимией и герметизмом. И одним из самых известных их покровителей при дворе был...

Холодное понимание обожгло её. Она сунула перчатку в потайной карман и потушила свечу. В темноте её глаза горели. Она, кажется, нащупала нить. Но эта нить вела не только к Фронтенку. Она вела в самое сердце королевской тайны, туда, куда даже Монтеспан боялась заглянуть.

На следующее утро её вызвала фаворитка. Монтеспан была не одна. В кресле у камина, с чашкой шоколада в руках, сидел сам герцог де Фронтенак. Увидев его, Элоиза почувствовала, как кровь стынет в жилах.

– А вот и наша маленькая провинциалка, – сладко произнесла Монтеспан. – Месье герцог проявил к вам интерес, моя дорогая. Он слышал, что вы из Нормандии, как и его старый друг, маркиз де Валькур. Я пожелал лично убедиться, что вы в добром здравии под моей опекой, – закончила мадам де Монтеспан, и её голос, сладкий как патока, скрывал стальную нить предупреждения.

Глава 8. Игра в открытую

Элоиза почувствовала, как пол уходит из-под ног. Весь воздух в комнате словно выкачали. Она сделала низкий, почти механический реверанс, опустив взгляд к паркету, усыпанному инкрустациями в виде солнечных лучей.

– Ваша светлость слишком добра, – прошептала она, обращаясь к Фронтенаку, и тут же поправилась, – то есть, месье герцог. Я польщена вашим вниманием.

Герцог поднялся с кресла. Он был высок, и его чёрный камзол поглощал свет от камина. Он медленно приблизился, и Элоиза ощутила на себе тяжесть его изучения – не взгляда, а именно изучения, как энтомолог рассматривает редкий экземпляр жука.

– Встаньте, дитя моё, – сказал он. Голос у него был глуховатый, без тепла, но и без явной угрозы. – Мадам де Монтеспан права. Ваш отец и я когда-то пересекались по делам службы. Печально, до чего он дошёл. Измена... страшное пятно на чести рода.

Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться. Рука в кружевном манжете была сухой и холодной, как чешуя. Элоиза коснулась её кончиками пальцев, стараясь не вздрогнуть.

– Я верю в невиновность отца, месье, – сказала она, поднимая глаза и встречая его пристальный взгляд. Вблизи его лицо было изрезано морщинами, но не от смеха – от постоянного напряжения и расчёта. Маленькие, глубоко посаженные глаза казались буравчиками, готовыми просверлить её череп и выудить мысли.

– Вера дочери делает вам честь, – кивнул Фронтенак, отпуская её руку. – Но королевский суд руководствуется доказательствами. Увы, они неоспоримы. – Он сделал паузу, обводя взглядом роскошный будуар фаворитки, будто оценивая обстановку. – Странно, однако, что вы оказались здесь, при дворе. После такого удара судьбы большинство дочерей удалились бы в монастырь или к дальним родственникам в провинцию.

Ловушка захлопывалась. Элоиза чувствовала, как Монтеспан наблюдает за ней, наслаждаясь спектаклем. Она была пешкой в их игре, и сейчас оба игрока проверяли её на прочность.

– Провинция, месье герцог, для меня теперь закрыта, – ответила Элоиза, вкладывая в голос дрожь искреннего отчаяния. – Имя Валькур там опозорено. Мадам де Монтеспан, по великой милости своей, предложила кров дальней бедной родственнице. Я лишь надеюсь переждать бурю и... может быть, со временем смягчить участь отца милостями, которые так щедро раздаёт наш король по ходатайствам достойных особ.

Лесть была двойной, адресованной обоим. Фронтенак усмехнулся уголком тонких губ.

– Красиво сказано. Вы явно не унаследовали прямоту вашего отца, мадемуазель. Он всегда рубил правду-матку, что, увы, и погубило его. – Он повернулся к Монтеспан. – Вы берёте на себя большое бремя, Атенаис. Держать при себе дочь осуждённого за измену... Это может дать пищу недобрым языкам.

– Мои языки умеют кусаться больше, Луи, – парировала фаворитка, играя веером. – А я ценю преданность. Девочка вызывает у меня жалость. И она достаточно умна, чтобы быть благодарной. Не так ли, Элен?

Элоиза вздрогнула, услышав своё новое имя. «Элен де Ларок». Она кивнула, снова опустив глаза.

– Бесконечно, мадам.

Фронтенак, казалось, удовлетворился ответом. Он сделал несколько шагов к окну, глядя на версальские сады, подёрнутые утренней изморозью.

– Что ж, я рад, что вы в безопасности. Мир полон опасностей для одинокой девушки. Особенно если у неё... есть что-то, что могут пожелать другие. – Он обернулся, и его взгляд упал на ридикюль, лежавший на стуле рядом с Элоизой. Тот самый, в котором когда-то хранились её поддельные бумаги и золото. Сейчас он был пуст, но герцог смотрел на него так, будто видел насквозь. – Будьте осторожны, мадемуазель де Ларок. Даже стены Версаля не всегда могут защитить от настойчивости тех, кто ищет утерянное.

Это была не просьба, а угроза, завёрнутая в бархат. Он знал. Или догадывался. Возможно, Морье уже доложил ему о пропаже тетради.

– Я ничего ценного не имею, месье, кроме доброго имени, которое мне даровала мадам, – тихо сказала Элоиза.

Фронтенак кивнул, на лице его не дрогнул ни один мускул.

– Тем лучше. Тогда вам нечего бояться. До свидания, мадемуазель. Атенаис, я к вашим услугам вечером на партии в трик-трак?

– Непременно, – улыбнулась Монтеспан.

Когда дверь за герцогом закрылась, в комнате повисла тягостная тишина. Фаворитка отложила веер и устремила на Элоизу холодный, оценивающий взгляд.

– Ну что, «Элен»? Вы только что прошли первое испытание. Он проверял вас. И, кажется, остался в неопределённости. Это хорошо. Неопределённость раздражает таких людей, как Фронтенак, и заставляет их действовать. А в действии они совершают ошибки.

– Он знает, кто я, – выдохнула Элоиза, чувствуя, как дрожь, которую она сдерживала, начинает пробиваться наружу.

– Возможно. Или лишь подозревает. Но он не знает главного – что вы знаете. И что вы здесь, под моей защитой, с конкретной целью. – Монтеспан поднялась с кушетки и подошла к ней вплотную. От неё пахло амброй и властью. – Ваше время на подготовку истекло, девочка. Фронтенак здесь. Морье здесь. Что вы намерены делать?

Элоиза собрала всю свою волю. Страх отступил, уступив место острому, почти болезненному сосредоточению. Она вспомнила украденную перчатку, знак лилии, намёк на тайное общество. Она вспомнила Кольбера и его пронзительный взгляд.

– Мне нужно попасть в библиотеку короля, мадам. И получить доступ к архивам по финансам за последние пять лет.

Монтеспан подняла бровь.

– Библиотека? Вы хотите читать? Сейчас?

– Нет. Я хочу, чтобы меня там видели. И чтобы об этом узнал месье Кольбер. А что касается действий... – Элоиза понизила голос. – Мне нужно отправить сообщение в Париж. Сегодня же.

Фаворитка долго смотрела на неё, а потом коротко кивнула.

– Библиотеку я устрою. Скажут, что вы помогаете составлять каталог моих личных книг для королевского собрания. Что касается сообщения... используйте ту же канальную службу, что и раньше. Но помните: если вас поймают, я отрекусь от вас. Вы для меня – жалостливая провинциалка, которая злоупотребила моим доверием.

– Я понимаю.

– И ещё одно, – пальцы Монтеспан, холодные и цепкие, взяли Элоизу за подбородок. – Будьте осторожны с Кольбером. Он не любит женщин, не любит интриг и любит только Францию и порядок. Если он заподозрит, что вы играете в игры, он уничтожит вас с той же методичностью, с какой сводит баланс в отчёте. Теперь идите.

Версальская библиотека была царством тишины и золотой пыли. Солнечные лучи, проникая через высокие окна, выхватывали из полумрака корешки фолиантов в сафьяновых переплётах, глобусы, застывшие в вечном вращении. Воздух пах старым пергаментом, воском и знанием.

Элоиза, с разрешения придворного библиотекаря, перебирала стопки книг, принесённых из апартаментов Монтеспан. Работа была скучной и кропотливой, но она выполняла её с показным усердием, прекрасно понимая, что за ней наблюдают. И не только слуги фаворитки.

На третий день её уединение нарушили. В библиотеку вошёл Жан-Батист Кольбер в сопровождении секретаря с кипой бумаг. Министр финансов, казалось, не заметил её, усевшись за дальний стол и погружившись в изучение документов. Но Элоиза чувствовала его внимание, тяжёлое и неумолимое, как пресс.

Она решилась на отчаянный шаг. Под предлогом поиска справочника по геральдике, она приблизилась к полкам, находившимся неподалёку от его стола. Нечаянно (сделанным нарочно неловким движением) она задела рукой стопку пергаментных свитков. Один из них, тяжёлый, упал на пол с глухим стуком, развернувшись у самых ног Кольбера.

– Простите, месье, тысячу раз простите! – воскликнула она, бросаясь поднимать свиток.

Кольбер поднял глаза. В его взгляде не было ни раздражения, ни любопытства – лишь холодная констатация факта.

– Ничего страшного, мадемуазель. «Хроники Фруассара» достаточно прочны, чтобы пережить падение.

Элоиза, краснея, пыталась аккуратно свернуть пергамент. Её пальцы дрожали.

– Я так неловка... Мадам де Монтеспан поручила мне работу, а я лишь всё порчу.

– Мадам де Монтеспан, – произнёс Кольбер, откладывая перо, – редко интересуется систематизацией знаний. Её интересы лежат в иной плоскости. Чем вы на самом деле здесь занимаетесь, мадемуазель де Ларок? Или, может быть, де Валькур?

Сердце Элоизы замерло. Он назвал её настоящее имя. Тихо, без эмоций. Она застыла на коленях, не в силах пошевелиться.

– Не бойтесь, – сказал он, и в его голосе впервые прозвучала усталая нота. – Если бы я хотел вас арестовать, это было бы сделано в день вашего прибытия. Ваше появление здесь, под крылом фаворитки, было слишком... театральным для человека, который просто скрывается. Вам что-то нужно. И я почти уверен, что это «что-то» как-то связано с делами, которые входят в мою компетенцию. Встаньте.

Она поднялась, держа в руках бесценный свиток, как щит.

– Месье министр... я...

– Говорите прямо. У меня нет времени на придворные уловки. Ваш отец вёл записи. Они исчезли. Вы здесь. Фронтенак здесь. И аббат Морье, его креатура, чьи финансовые операции пахнут серой, а не ладаном, тоже здесь. Сложите мне эту головоломку.

Элоиза поняла, что стоит на краю пропасти. Один неверный шаг – и Кольбер, этот живой воплощение закона, сбросит её в бездну. Но в его глазах она увидела не только подозрение. Она увидела ненависть. Холодную, рациональную ненависть к беспорядку, воровству и тем, кто подрывает устои государства. И её враги были его врагами.

Она сделала глубокий вдох.

– У меня нет записей, месье. Но я знаю, что в них было. Речь идёт не просто о хищениях. Речь идёт о системе, которая отмывала деньги через фиктивные контракты. Часть этих денег шла на подкуп, часть – на личные нужды тех, кто стоит за этим. А часть... – она запнулась, вспоминая знак лилии, – часть, возможно, финансировала деятельность, направленную против самого короля. Или, по крайней мере, против его интересов.

Кольбер не моргнул.

– Доказательства.

– Их можно добыть. У Фронтенака есть поставщик, некий Дюбуа. Он – живая книга учёта. Если его найти и заставить говорить, он назовёт все имена, все суммы, все каналы.

– Где он?

– В Париже. Но его пытаются найти... другие люди. Верные моему отцу.

Кольбер откинулся на спинку стула, сложив пальцы домиком. Он размышлял с математической точностью, взвешивая риски и выгоды.

– Мадам де Монтеспан в курсе ваших планов?

– Она знает, что я ищу компрометирующие факты на Фронтенака. Но не знает о Дюбуа. И не знает, что я говорю с вами.

На губах Кольбера на мгновение появилось что-то вроде подобия улыбки.

– Умно. Держать на прицеле двух самых могущественных людей королевства, не будучи уверенной ни в одном. Очень рискованно. Почти самоубийственно.

– У меня нет выбора, месье.

– Выбор есть всегда, – поправил он сухо. – Вы выбрали самый опасный путь. Что вы хотите от меня?

– Доступа, – быстро сказала Элоиза. – Когда Дюбуа будет здесь, мне понадобится способ доставить его прямо сюда, в Версаль, и представить его показания так, чтобы их нельзя было игнорировать или замять. Нужна аудиенция. Не у мадам де Монтеспан, а у кого-то, чей авторитет непререкаем. У вас. Или... – она замерла, – или у самого короля.

Кольбер долго смотрел на неё, а потом медленно покачал головой.

– Король не любит скандалов, особенно те, что бросают тень на его ближайшее окружение. Но он любит порядок и ненавидит, когда обкрадывают его казну. – Он помолчал. –

Я не могу вам ничего обещать. Но если этого человека доставят, и если его показания будут конкретны и подтверждены документами... я найду способ, чтобы их услышали. При одном условии.

– Каком?

– Вы отдадите мне всё. Все имена, все связи, которые узнаете. Без утайки. И перестанете быть игрушкой в руках Монтеспан.

Глава 9. Тень ордена

– Вы будете работать только на меня. Вы станете моими глазами и ушами при дворе, – закончил Кольбер, и его слова повисли в тихом воздухе библиотеки, как приговор.

Элоиза почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она обменяла одну форму зависимости на другую, возможно, ещё более опасную. Монтеспан была капризна и жестока, как ураган, но её мотивы были понятны – власть, влияние, устранение соперников. Кольбер же был подобен леднику – неумолимый, безэмоциональный, движимый лишь холодной логикой государственной пользы. Работать на него значило стать инструментом, винтиком в его безупречном механизме. И винтики, вышедшие из строя, безжалостно выбрасывали.

– А мадам де Монтеспан? – осторожно спросила она. – Она считает меня своей креатурой. Если я резко отойду...

– Вы отойдете не резко, – перебил её министр, снова беря в руки перо, как будто они обсуждали распределение налогов. – Вы продолжите играть роль благодарной протезе. Вы будете сообщать ей ровно столько, сколько я позволю. Ваша ценность для меня – в вашем положении в её окружении. Она – призма, через которую я могу наблюдать за Фронтенаком и его кликой, не вызывая подозрений. Вы поняли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.